

Д.А. Карпук

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ГОМИЛЕТИКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В статье представлена краткая история кафедры гомилетики в Санкт-Петербургской духовной академии во второй половине XIX – начале XX вв. Развитие данной богословской дисциплины было сопряжено с целым рядом трудностей, о которых сказано в представленном исследовании. В течение полувека — с 1869 по 1918 гг. — гомилетику в столичной высшей богословской школе поочередно преподавали Н.И. Барсов, Н.К. Никольский, И.Е. Евсеев, иеромонах Вениамин (Федченков) и Н.А. Коновалов. Каждый из названных профессоров внес свой посильный вклад в развитие занимаемой им кафедры.

Ключевые слова: церковное красноречие, гомилетика, Санкт-Петербургская духовная академия, богословская наука, духовное образование, Н.И. Барсов, Н.К. Никольский, И.Е. Евсеев, иеромонах Вениамин (Федченков), Н.А. Коновалов.

История кафедры гомилетики, впрочем, как и всех других кафедр в Санкт-Петербургской духовной академии, еще не написана. Работы историка столичной дореволюционной высшей богословской школы И.А. Чистовича только приоткрывают завесу, но не раскрывают внутренние перипетии, а главное — достижения и наработки профессоров, сотрудников и студентов академии в разных сферах научного богословского знания.

В данной обзорной статье по истории кафедры церковного красноречия или гомилетики привлечены исключительно опубликованные материалы. Наибольший интерес и ценность представляют Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии (далее — ЖЗС СПбДА), ежегодные годовые отчеты о деятельности академии, а также многочисленные статьи на страницах двух академических журналов «Христианского чтения» (далее — ХЧ) и «Церковного вестника» (далее — ЦВ).

В период проектирования первого академического устава в начале XIX века гомилетика, естественно, была включена в класс богословских дисциплин.

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

Тогдашняя программа, впрочем, как и конспект по всему циклу богословских дисциплин первоначально были составлены и разработаны еще первым ректором столичной академии архимандритом Евграфом (Музалевским)¹.

Вплоть до середины столетия такой предмет как гомилетика переживал период становления, т.е. определения своих целей, задач, особенностей, отличий от других дисциплин, таких как богословие и словесность.

Академическим уставом 1869 г. новообразованная кафедра гомилетики и истории проповедничества в церкви Православной и на Западе была включена в состав предметов церковно-практического отделения². Согласно уставу 1884 г. была образована кафедра, которая включала в себя пастырское богословие, педагогику, гомилетiku и историю проповедничества. Для преподавания данных предметов согласно штату назначалось два преподавателя³. Один из них должен был преподавать пастырское богословие и педагогику, второй — гомилетiku и историю проповедничества.

Устав 1910–1911 гг. объединял гомилетiku с пастырским богословием и аскетикой, но уже при одном преподавателе и «десяти лекционных часах, из которых пять назначается на пастырское богословие, с аскетикой, в один год и пять на гомилетiku в другой год»⁴. Кроме того в последнем дореволюционном академическом уставе отдельно проговаривалось о роде занятий профессора по кафедре гомилетики: «По кафедре пастырского богословия и гомилетики, кроме изучения и разбора важнейших патрологических и гомилетических произведений, преподаватель руководит студентов в практическом проповедывании, в особенности приучает их к хорошему произнесению проповедей, упражняет их в сказывании заранее приготовленных проповедей на память и в произнесении экспромтов»⁵.

Историк Санкт-Петербургской духовной академии профессор И.А. Чистович в своем первом томе по истории столичной академии отмечает, что гомилетика для первого курса (1809–1814 гг.) читалась по западным учебным пособиям: «1) Buddei, Institutiones theologiae homileticae; 2) Telleri, Institutiones

¹ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 188.

² Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 552.

³ См.: Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884.

⁴ Устав православных духовных академий. СПб.: Синодальная типография, 1912. С. 35.

⁵ Там же. С. 47.

ets.»⁶. Кроме того на занятиях предполагалось аналитическое чтение творений св. отцов и составление проповедей. Надо отдать должное, в скором времени после открытия академии в 1809 г. проповедническому служению было уделено пристальное внимание. Как результат, студенты первых курсов очень тщательно подходили к делу составления своих проповедей. В результате с 1817 г. в течение нескольких лет при академии издаются сборники с проповедями («Некоторые опыты упражнений воспитанников Санкт-Петербургской духовной академии»). Эти «Опыты» предшествовали изданию первому в истории церковной журналистики академическому периодическому журналу «Христианское чтение», первый номер которого вышел в 1821 г.⁷ По словам еще одного историка СПбДА, её библиотекаря А.С. Родосского, «“Опыты” эти существовали в течение нескольких первых курсов и теперь остаются прекрасными памятниками личных высоких дарований студентов, их воззрений и направления, их серьезных занятий и важных успехов в изучении и познании специально-богословских наук»⁸.

В период с 1817 по 1824 гг. «собеседовательное богословие», т.е. гомиетику, впрочем, как и словесность преподавал профессор Иванов⁹. До него считалось, что церковное красноречие примыкает, с одной стороны, к богословским наукам, с другой — к словесности. Все это сказывалось на методике преподавания. На занятиях уделялось большое внимание, во-первых, образцам красноречия в Св. Писании, святоотеческих творениях и у новейших проповедников. Во-вторых, изучались правила составления слов и произнесения речей, заимствованных из традиционного для того времени ораторского искусства. Это направление в преподавании было изменено профессором Ивановым: «Техническая сторона изобретения, расположения и произнесения получила значение подчиненное, а главное — внутреннее совершенство или внутренний характер духовного поучения и внешнее приличие его, или сообразность с обстоятельствами места, времени и лиц, как поучающих, так и слушающих»¹⁰.

Следующим преподавателем гомиетики стал бакалавр греческого языка *Ксенофонт Иоаннович Делекторский (?–1842)*, впоследствии — протоиерей и

⁶ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 190.

⁷ Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // ХЧ. 2011. № 6 (41). С. 44.

⁸ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. XXXV.

⁹ Установить имя, отчество и годы жизни не удалось.

¹⁰ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 290.

профессор академии. Прослужил в академии до 1835 г. Будучи сам выдающимся столичным проповедником, он много внимания уделял данному предмету в духовной школе. По мнению современников особая его заслуга заключалась в том, что «он своим критическим отношением к ложному красноречию из цветистых фраз и фигурных оборотов “отучал студентов от глупого, напыщенного семинарского слога и развивал в них литературный вкус”»¹¹.

Преемником Делекторского стал *Дмитрий Феодорович Вознесенский (1808–1852)*. Несмотря на то, что кафедру церковного красноречия он возглавлял вплоть до 1852 г., серьезных исследований по этому предмету не оставил. В своей научно-исследовательской деятельности Вознесенский больше внимания уделял академическому журналу «Христианское чтение» и изданию перевода на русский язык творений святителя Иоанна Златоустого¹².

После него вплоть до 1856 г. церковное красноречие преподавал *Павел Васильевич Лебедев (?–1881)*. Любопытно, что свое выпускное магистерское сочинение он написал на тему «План гомиластики и краткое изложение особенно важных ее частей, сделанное на основании замечаний слова Божия и отцев Церкви касательно церковного проповедничества»¹³.

Далее на кафедру был переведен бакалавр греческого языка магистр *Иоанн Алексеевич Вознесенский (?–1881)*. Однако в том же году, т.е. в 1857 г. он уже был рукоположен к посольской церкви в Копенгагене¹⁴.

В 1857 г. кафедру гомиластики занял *Алексей Иоаннович Парвов (1834–1897)*, преподавший в академии в это время одновременно и введение в богословие. В 1859 г. был переведен на кафедру церковного законоведения. Впоследствии, в 1883 г. Парвов в сане протоиерея был назначен председателем Учебного комитета при Св. Синоде¹⁵.

В 1859 г. эстафету перехватил преподаватель Новгородской, по другим источникам — Нижегородской семинарии¹⁶ *Феодор Сергеевич Надеждин (?–1866)*, скончавшийся в 1866 г. Дальше, вплоть до принятия и введения академического устава 1869 г., Чистович не приводит никаких сведений о преподавателях гомиластики.

¹¹ *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С. 131.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 351.

¹⁶ Там же. С. 289; *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. С. 51.

С момента принятия нового устава ситуация в сфере преподавания не только гомилетики, но и всех остальных богословских дисциплин стабилизируется. Теперь избираемые и назначаемые профессора занимают кафедры, как правило, длительное время — до 25 и более лет. Такая ситуация, естественно, должна была самым благоприятным образом сказаться на качественном развитии каждой из богословских наук в отдельности.

Профессор Николай Иванович Барсов (1839–1903)

Согласно новому академическому уставу 1869 г. гомилетика была объединена вместе с пастырским богословием в одну кафедру. Преподавателем этих дисциплин в звании доцента в том же году был назначен наставник Санкт-Петербургской духовной семинарии Николай Иванович Барсов, выпускник столичной академии 1863 г. В отличие от своих многочисленных предшественников новый преподаватель занимал кафедру в течение целых 20-ти лет и за этот срок сделал очень много для того, чтобы вывести свою дисциплину на серьезный научный уровень. Это тем более важно, во-первых, потому, что данный предмет в рассматриваемый период был очень слабо разработан. Во-вторых, к этому времени среди современников, как преподавателей, так и студентов духовных академий, к гомилетике как научной дисциплине сформировалось устойчивое пренебрежительное отношение¹⁷.

Н.И. Барсов родился 21 апреля 1839 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в семье священника. Происхождение из духовного сословия «предопределило» его образовательную стезю. После окончания духовного училища он закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1859 г. Как один из лучших выпускников поступил в столичную духовную академию, где ректором в это время был архимандрит Феофан (Говоров), будущий святитель и Вышенский затворник. Академию Николай Иванович закончил в 1863 г., защитив магистерскую диссертацию на тему «Братья Андрей и Семен Денисовы: Их жизнь и значение в истории раскола». Позже часть работы была опубликована¹⁸, а интерес к вопросу о старообрядчестве Николай Иванович пронес через всю свою преподавательскую и научно-исследовательскую жизнь. Так, в 1876 г. в академическом журнале «Христианское чтение» Барсов опубликовал

¹⁷ См.: *Богородский Я.А.* Митрополит Антоний (Вадковский) в казанский период его жизни и деятельности // *Православный собеседник.* 1913. № 2. С. 264.

¹⁸ *Барсов Н.И.* Братья Андрей и Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. [2], 162 с.

статью «Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины»¹⁹, а в 1894 г., уже после своего ухода из академии, в том же журнале в свет вышла еще одна публикация «Раскольниковья литература новейшего времени»²⁰.

После окончания академии третьим по списку Николаю Ивановичу было предложена кафедра гомилетики в Московской духовной академии. Однако Барсов отказался от назначения, рассчитывая получить место в родной академии. Его же товарищ по курсу, Александр Львович Катанский, который окончил академию вторым по списку, от подобного же предложения отказываться не стал и с 1863 по 1867 гг. занимал в Московской духовной академии кафедру церковной словесности и церковной археологии. Причем любопытно, что в своей преподавательской деятельности Катанский больше внимания уделял церковной археологии и меньше именно церковной словесности, т.е. гомилетике. В 1867 г. Катанский был переведен в *alma mater*, где вплоть до 1896 г. преподавал догматическое богословие²¹. Кстати, первым академический курс 1863 г. окончил Т.В. Барсов, ставший профессором столичной академии по кафедре канонического права²².

Н.И. Барсов с 18 сентября 1863 г. был назначен преподавателем словесности в родной ему Санкт-Петербургской семинарии, с 1864 г. он еще одновременно являлся учителем словесности в Мариинской и Рождественской женских гимназиях Санкт-Петербурга. Освоив и изучив на практике методы преподавания словесности в светских учебных заведениях, Барсов составил довольно подробную программу семинарского курса теории и истории словесности.

В 1869 г. Барсов, наконец, был приглашен в СПбДА доцентом по кафедре пастырского богословия и гомилетики. В 1871 г. он уже экстраординарный, а с 1887 г. — ординарный профессор. В годы своей преподавательской деятельности Николай Иванович не только читал лекции по гомилетике, многочисленные литографии которых сохранились до настоящего времени²³, но и издал целый

¹⁹ Барсов Н.И. Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1876. № 11–12. С. 693–711.

²⁰ Барсов Н.И. Раскольниковья литература новейшего времени // Христианское чтение. 1894. № 5–6. С. 487–515.

²¹ Берташ А., свящ., Картук Д.А. Катанский Александр Львович // Православная энциклопедия. Т. XXXI. Каракалла — Катехизация. М.: Церковный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 677.

²² См.: Римский С.В. Барсов Т.В. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358–360.

²³ В Российской национальной библиотеке сохранились следующие курсы: Барсов Н.И. Конспект лекций по кафедре гомилетики, преподаваемых студентам 1-го курса церковно-

ряд сочинений по своей дисциплине: в 1885 г. вышла книга «История первобытной христианской проповеди», в 1886 г. — «Спорные вопросы по истории первобытной христианской проповеди», в 1889-1895 гг. — 3 выпуска «Очерков из истории христианской проповеди». Отдельные статьи были посвящены проповеднической деятельности свт. Григория Богослова²⁴, свт. Григория Нисского²⁵, прп. Ефрема Сирина²⁶. Не обходил стороной Барсов и своих современников — митрополита Филарета (Дроздова)²⁷, архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова)²⁸, епископа Смоленского Иоанна (Соколова)²⁹ и др. Кроме того, сохранились лекции Барсова по патристике³⁰.

Лекции Н.И. Барсова по гомилетике, как уже отмечалось выше, неоднократно выходили в виде литографированных изданий. Из этих лекций, которые все еще ждут своего исследователя, следует, что важнейшей чертой проповеди Барсов считал актуальность темы, которая не должна находиться в стороне от злободневных общественных проблем. Критически относившийся к западному

практического отделения С.-Петербургской духовной академии в течение 1873/4 академического года. СПб., 1874. 15 с.; *Он же*. Конспект лекций по истории русского проповедничества, читанных в течение 1873/4 академического года студентам II-го и III-го курсов церковно-практического отделения С.-Петербургской дух. академии. СПб.: Лит. Траншель, 1874. 26 с.; *Он же*. Конспект лекций по пастырскому богословию и гомилетике, преподанных студентам церковно-практического отделения С.-Петербургской духовной академии экстраординарным профессором Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. А. Траншеля, 1878. 158 с.; *Он же*. Лекции по гомилетике, читанные студентам С.П.Б. духовной академии в 1885/6 учебном году экстраординарным профессором Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. С.Ф. Яздовского, 1886. [2], 339 с.; *Он же*. Лекции по истории проповедничества и гомилетике 1886/7 уч. года: Чит. в С.-Петерб. духов. акад. СПб.: типо-лит. Яздовского, 1886. 311 с.; *Он же*. Конспект лекций по гомилетике, читанных студентам III курса СПб духовной академии в 1887/8 гг. проф. Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. Яздовского, 1888. 80 с.; *Он же*. Лекции по православной христианской гомилетике Н.И. Барсова. 1888/9 уч. г. СПб., 1889. 321 с.

²⁴ *Барсов Н.И.* Св. Григорий Богослов как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 46, [1] с.

²⁵ *Барсов Н.И.* Св. Григорий Нисский как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 37 с.

²⁶ *Барсов Н.И.* Св. Ефрем Сирин как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 40 с.

²⁷ *Барсов Н.И.* Взгляд на жизнь и деятельность московского митрополита Филарета: (По случаю столетия дня его рождения). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. 10 с.

²⁸ *Барсов Н.И.* Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического: Вып. 1–2. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884–1888. 2 т.

²⁹ *Барсов Н.И.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский, как проповедник: «Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные смоленской пастве». Смоленск. 1871 г. СПб., 1872. 21 с.

³⁰ *Барсов Н.И.* Лекции по патристике. СПб.: Типо-лит. Яздовского, 1887. [2], 350 с.

христианству и симпатизировавший славянофилам, Николай Иванович, тем не менее, советовал священникам не пренебрегать гомилетическим опытом, накопленным в инославии, «потому что на Западе проповедь составляет более могучую силу, чем у нас»³¹.

Н.И. Барсов в своих взглядах на проповедничество, выраженных в печатных трудах и академических лекциях, по мнению некоторых исследователей, придерживался той точки зрения, что существо проповедничества надо видеть в благодати Божией, даруемой пастырю при его рукоположении. Поэтому каждое проповедническое выступление надо считать голосом этой действующей в нем благодати³². Такой взгляд, согласно которому проповедь является частью богослужения, одной из функций благодатной жизни Церкви, не нашёл поддержки в отечественной гомилетической литературе³³.

Как и многие его коллеги, Барсов в годы своей преподавательской деятельности выполнял много других поручений академического начальства и Св. Синода. Так, с 1874 г. Николай Иванович являлся членом учрежденной при Св. Синоде комиссии для разбора и описания дел архива Синода. В 1877 г. Барсов работал в комиссии по описанию рукописей библиотек Кириллова Белозерского монастыря и СПбДА, был занят проверкой и исправлением каталога Софийской библиотеки. В 1884 г. участвовал в комиссии по пересмотру и изменению семинарских программ.

Кроме того, Н.И. Барсов публиковал в журналах «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Вера и разум», «Странник», «Русская старина», «Исторический вестник» и других периодических изданиях многочисленные статьи по пастырскому богословию, по истории Русской Церкви и старообрядчества, по педагогике и дидактике. Являлся автором многочисленных статей по богословию и истории Церкви в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Немало материалов он опубликовал в епархиальных и светских периодических изданиях³⁴.

После введения очередного академического устава 1884 г. Н.И. Барсов продолжил преподавание гомилетики совместно с историй проповедничества. В 1887 г. преподавание истории проповедничества принял на себя ректор ака-

³¹ Бовкало А.А. Барсов Н.И. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358.

³² Ветелев А., свящ. Гомилетика. Курс академических лекций по теории и практике церковно-православного проповедничества. М.: Загорск, 1949. С. 3, 5.

³³ Там же. С. 5–6.

³⁴ Бовкало А.А. Барсов Н.И. С. 358.

демии епископ Антоний (Вадковский), который уже был известен в церковном научном мире своими трудами по истории церковного проповедничества³⁵.

С введением устава 1884 г. решением совета академии от 17 августа 1884 г. было определено, чтобы студенты всех четырех курсов составляли по одной проповеди в течение учебного года. Предполагалось, что на каждый год будет составляться особое расписание. На каждый праздничный и воскресный день, когда должны были произноситься студенческие проповеди, преподавателю заранее должны были быть представлены четыре проповеди, по одной от каждого курса. Стоит напомнить, что в это время в духовной академии в среднем на курсе училось 60–70 человек. Сроки подачи проповедей строго регламентировались.

Составление расписания и сроков подачи проповедей было поручено профессору гомилетики. Необходимо особо отметить, что оценка за проповедь принималась по значению равной с баллами за семестровые сочинения и включалась в общую сумму баллов по сочинениям. Другими словами, низкая оценка за проповедь могла существенно повлиять на общий средний балл, а ведь именно от среднего балла во многом зависело будущее распределение учащихся и их духовно-учебная карьера.

В 1885/1886 учебном году студентам III и IV курсов были назначены проповеди на воскресные и праздничные дни, начиная с 14 сентября и заканчивая воскресным днем перед 1 мая. Студентам же II и I курсов были определены катехизические поучения на определенные темы согласно программе, составленной Н.И. Барсовым. Студенты III и IV курсов представляли свои проповеди профессору гомилетики за 3 дня до их произнесения. Барсов, в свою очередь, после прочтения, передавал студенческие проповеди (за 1 день до произнесения) ректору академии, который и решал, кто из студентов будет произносить проповедь.

Катехизические поучения студентов I и II курсов представлялись студентами 1 марта наставнику гомилетики, который после их прочтения, представлял их опять же ректору к 1-му мая. Такая практика просуществовала до 25 августа 1888 г., когда определением совета академии за № 5 было постановлено, чтобы студенты IV курса составляли проповеди по особому расписанию на дни вос-

³⁵См.: *Карпук Д.А.* Священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры митрополит Антоний (Вадковский) (1898–1912 гг.). К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (1713–2013) и 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) (1846–1912) // *История Петербурга*. 2013. № 1 (68). С. 76–77.

кресные и праздничные для произнесения в церкви. Студентам же первых трех курсов было назначено написать классные экспромты в присутствии профессора. Для этого в один из дней назначались два лекционных часа с освобождением от других лекций. Каждый курс должен был писать отдельно. Выбор этого самого дня был предоставлен ректору академии по предварительному соглашению с профессором гомиластики³⁶.

Н.И. Барсов оставил службу при академии по болезни 15 августа 1889 г., получив в том же году чин действительного статского советника. Однако вплоть до своей кончины в 1903 г. не переставал заниматься научно-исследовательской и литературной деятельностью, свидетельством чего служат многочисленные труды на страницах периодической печати. Всестороннее исследование и должный анализ многогранной деятельности Николая Ивановича — дело будущего. Человек, который в годы своей активной деятельности состоял действительным членом Императорского русского географического, Киевского церковно-археологического, Императорского русского археологического обществ и почетным членом Санкт-Петербургского археологического института и Ростовского музея церковных древностей³⁷ явно заслуживает научного монографического исследования, а не кратких статей-некрологов более чем вековой давности.

Профессор Николай Константинович Никольский (1863–1936)

После ухода из академии Н.И. Барсова кафедра гомиластики и истории проповедничества, как показала дальнейшая история, потеряла одного из самых преданных и деятельных своих разработчиков. Все последующие преподаватели данной дисциплины являлись скорее «временщиками», первым из которых стал ученый уже в третьем поколении Н.К. Никольский.

Николай Константинович Никольский родился в 1863 г. в Петергофе в семье священника. Его дед по отцовской линии, Тимофей Ферапонтович Никольский (1788–1848), был выпускником первого курса Санкт-Петербургской духовной академии (1809–1814 гг.). После окончания академии он в течение 7 лет преподавал там же логику и психологию. Современники говорили о нем просто: «Муж ума глубокого, характера твердого и учености весьма обширной»³⁸.

³⁶ЖЭС СПбДА за 1898–1899 учебный год. СПб., 1905. С. 30–32.

³⁷*Уберский И.* Проф. Н.И. Барсов (Некролог) // Церковный вестник. 1903. № 14. Стлб. 442.

³⁸*Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 313.

Дед Н.К. Никольского по материнской линии, Дмитрий Стефанович Вершинский (1798–1858), после окончания Санкт-Петербургской академии в 1825 г., в течение еще практически 10-ти лет преподавал в академии сначала греческий язык, потом философию. За свое почти 10-летнее профессорство им было напечатано в академическом журнале «Христианское чтение» 25 переводов из творений св. отцов и 17 оригинальных статей об отцах и подвижниках Восточной Церкви. Вершинского считали «основателем русской философской терминологии, переводчиком “Логики” Бахмана и “Истории философии” Аста»³⁹. С 1835 по 1848 гг. Вершинский был настоятелем посольской церкви в Париже. Благодаря Дмитрию Стефановичу «русские богословы впервые познакомились с течениями внутри французского католицизма»⁴⁰.

Отец будущего профессора гомилетики, Константин Тимофеевич (1824–1910), также выпускник столичной академии, доктор богословия, хорошо известен своими многочисленными трудами по литургике⁴¹. В такой семье нельзя было не получить серьезного образования, чему самым серьезным образом способствовала также огромная семейная библиотека.

О библиотеке Никольских, которой могла позавидовать любая провинциальная духовная семинария, знакомые и посетители говорили с восторгом: «После протоиерея Сидонского, имевшего громадную до 30 тыс. томов библиотеку, о. Никольский владеет еще большею библиотекою, в которой находится множество редких книг, дорогих изданий и немало ценных рукописей»⁴².

Вот еще одно свидетельство, принадлежащее уже одному из учеников Н.К. Никольского, посетившего однажды квартиру ученого: «Мы вошли в обширную библиотеку. Масса книг, печатных и рукописных, старых и новых, русских и иностранных, заполняет довольно просторную комнату от полу до потолка. <...> Эта большая книжная палата произвела на меня внушительное впечатление. По объяснению Николая Константиновича, его библиотека — плод многолетнего любовного собирания книг тремя поколениями, начиная с деда. Сколько книг в библиотеке — неизвестно, не было тогда и каталогов. Его родственник, студент, пытался в одно время определить приблизительно состав библиотеки в количественном отношении, оказалось, что если бы все полки, на которых

³⁹ Там же. С. 73.

⁴⁰ Смолич И.К. История Русской Православной Церкви. 1700–1917. Часть 1. М., 1996. С. 387.

⁴¹ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С. 311.

⁴² Там же. С. 311.

находятся книги, вытянуть в одну линию, то получилось бы расстояние в полверсты»⁴³.

До 14 лет Николай Константинович обучался дома, далее последовала Санкт-Петербургская духовная семинария, после окончания которой предполагалось поступление в университет. Однако к 1883 г. были введены новые правила поступления семинаристов в высшие учебные заведения, поэтому Н.К. Никольскому пришлось поступать в столичную духовную академию, где он обучался с 1883 по 1887 гг.

В столичной академии на выпускном курсе Никольский кандидатское сочинение написал под руководством профессора по кафедре истории Русской Православной Церкви протоиерея Павла Николаевского. Тема диссертации была следующей: «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям академической библиотеки)». Учитывая то обстоятельство, что работа была написана на высоком научном уровне, а также тот факт, что успехи Никольского позволили ему окончить академию первым по списку (из 68-ми выпускников-однокурсников), молодой перспективный ученый постановлением совета академии от 13 июня 1887 г. был оставлен на один год — до августа 1888 г. — в качестве профессорского стипендиата. Предметом занятий Никольского в течение стипендиатского года стала история Русской Церкви в синодальный период.

В мае 1889 г. профессор гомилетики Барсов ушел в отставку. Ректор академии епископ Антоний (Вадковский), с 1885 г. также преподававший историю проповедничества, предложил именно Н.К. Никольскому занять академическую кафедру. В письме от 28 августа 1889 г. он писал Николаю Константиновичу: «В ближайшем заседании Совета я имею намерение предложить Вас в качестве кандидата на вакансию преподавателя гомилетики в академии. Надеюсь, что от академической кафедры отказываться не будете, и о Вашем согласии прошу Вас уведомить меня не позже 30 авг[уста]. Мне это нужно сообщить совету»⁴⁴.

Н.К. Никольский отказываться не стал. 11 и 15 сентября 1889 г. он прочитал в присутствии членов совета пробные лекции. Тема первой лекции была

⁴³Зарубин Н.Н. Характеристика ученых трудов академика Никольского и их значение для научного построения истории древнерусской литературы и истории русского языка (СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 160. Л.1-1об.). Цит. по: Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С. 43–44.

⁴⁴СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 127. Л. 3. Цит. по: Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С. 62.

избрана лектором самостоятельно и звучала следующим образом: «Обзор литературы по истории русского проповедничества». Тема второй лекции была определена советом академии: «О беседах Оригена и их значении в истории христианской проповеди»⁴⁵. 16 сентября Никольский в звании исполняющего должность доцента был утвержден в качестве преподавателя гомиластики и истории проповедничества.

Уже через два года, в августе 1891 г., у Никольского появилась возможность перейти на другую, более «авторитетную» кафедру гражданской истории России (после кончины профессора М.О. Кояловича). Предложение сменить кафедру поступило от научного руководителя Никольского профессора протоиерея Павла Николаевского, который сообщал Николаю Константиновичу в письме от 31 августа 1891 г.: «Глубокоуважаемый Николай Константинович! Сейчас я вернулся с заседаний совета академии; между прочим — на заседании предложено было войти в рассуждение о кандидатуре на место М.О. Кояловича и на следующем собрании совета указать этих кандидатов. У меня явилась (и у некоторых наставников также) мысль — не пожелаете ли Вы перейти со своей кафедры на кафедру по русской гражданской истории: предмет этот — по моему мнению — для Вас более по душе и не так обширен и разбросан, как гомиластика с историей проповедничества, и для Вас также знаком. Обдумайте и — может быть — Вы согласитесь преподавать русскую гражданскую историю. Завтра молебен в академии перед началом учения; мы увидимся и Вы выскажете свое мнение по предлагаемому вопросу. Официально — открыто в совете ни Ваше, ничье имя не было упомянуто. Я пишу Вам от себя к сведению»⁴⁶. Никольский вынужден был отказаться от такого весьма лестного предложения, сославшись на отсутствие необходимых знаний для занятия столь серьезной кафедры.

В 1893 г. Никольский защитил диссертацию и был утвержден в степени магистра богословия за сочинение «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века». В 1899 г. состоялась защита и утверждение в степени доктора церковной истории за первый том фундаментального исследования на тему «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века». В 1893 г. Никольский был утвержден в звании доцента, в 1898 г. — экстраординарного, а в 1899 г. — ординарного профессора СПбДА.

⁴⁵ ЖЗС СПбДА за 1889–1890 уч. год. СПб., 1894. С. 71.

⁴⁶ Цит. по: *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С.64.

С 1900 г. Никольский стал членом-корреспондентом Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности, а с 1916 г., уже после ухода из духовной академии, — ординарным академиком.

Первоначально лекции по гомилетике и истории проповедничества читались в течение только одного учебного года. Однако на заседании совета академии 13 сентября 1896 г. было определено распределить с 1896/1897 учебного года чтение лекций по данному предмету на два года для студентов III и IV курсов. Решение было принято после обращения доцента Н.К. Никольского, который в своем прошении отмечал, что программа по гомилетике, одобренная советом академии, была настолько широкой, что не могла быть реализована в течение одного года даже в том случае, если предьявлять к преподаванию только семинарские требования⁴⁷.

Таким образом, в конце XIX и начале XX вв. лекции по гомилетике и истории проповедничества Н.К. Никольский читал уже в течение двух лет. На первый год приходилась, как правило, история греческого проповедничества в период святоотеческий и история древнерусской проповеди до конца XIII в. В период второго года обучения излагалась история северно-русского проповедничества до XVIII века и история южнорусской проповеди до конца XVII столетия⁴⁸.

В течение нескольких учебных лет Н.К. Никольский не читал лекции из-за продолжительных научных командировок.

Так, 18 октября 1899 г. на заседании совета академии было рассмотрено письмо на имя столичного митрополита Антония (Вадковского) от президента Императорской академии наук великого князя Константина Константиновича. В письме сообщалось, что Н.К. Никольский составлял по поручению отделения русского языка и словесности Императорской академии наук «Повременный список русских авторов и их сочинений с XI по XIV в.». Великий князь ходатайствовал о предоставлении Никольскому командировки сроком на один год с 1 ноября для занятий в разных библиотеках и архивах России.

Резолюция митрополита была положительной и в ней, кроме всего, отмечалось: «Так как большая часть рукописных материалов, в которых предсто-

⁴⁷ЖЗС СПбДА за 1896–1897 уч. год. СПб., 1897. С. 20.

⁴⁸Отчет о состоянии СПбДА за 1899 г. // ХЧ. 1900. Ч. 1. С. 503; Отчет о состоянии СПбДА за 1901 г. // ХЧ. 1902. Ч. 1. С. 368; Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч. 1. С. 504; Отчет о состоянии СПбДА за 1903 г. СПб., 1904. С. 23; Отчет о состоянии СПбДА за 1904 г. СПб., 1905. С. 25.

ит надобность для означенного издания, находится в разных книгохранилищах вне Петербурга, преимущественно же в Москве, то необходимо предоставить профессору Никольскому командировку в Москву и другие города, сроком на один год, для занятий в разных библиотеках и архивах». Однако для того, чтобы учебный процесс не был сильно нарушен длительным отсутствием профессора, митрополит, в прошлом сам ректор академии, предложил: «1) проповеди и курсовые сочинения студентов, а также диссертации на высшие ученые степени, каковые Советом академии или мною будет поручено рассмотреть профессору Никольскому посылать ему по месту его пребывания во время командировки, и 2) предложить ему, по окончании срока командировки, расположить свои лекции по предмету гомилетики и истории проповедничества таким образом, чтобы опущенное в текущем году по возможности было в следующем году»⁴⁹. В итоге данная научная командировка состоялась, и её результаты оказались вполне удовлетворительными.

Однако отчитался Никольский о результатах своей первой продолжительной научной поездки перед членами совета академии только в апреле 1904 г., когда испрашивал разрешение на следующую уже командировку. По поводу результатов своей первой научной экспедиции Николай Константинович отмечал, что они превзошли все ожидания. Сведения о списках, относящихся к памятникам за один только XI век, после первичной обработки должны были занять около 40 печатных листов. Кроме того, во время поездки Никольскому удалось найти свыше 60 неизвестных до этого памятников русской письменности (XI–XII вв.)⁵⁰.

Испрашивая разрешения на новую поездку, Никольский свою аргументацию излагал следующим образом: «Поставленный в необходимость для потребностей академического преподавания изучать историю древнерусского проповедничества по первоисточникам, разбросанным в разных рукописных книгохранилищах, я еще в 90-х годах минувшего столетия пришел к мысли о необходимости приступить к собиранию и изданию материалов для полного собрания русских сочинений допетровского времени, принадлежащих в главном своем объеме к разряду памятников церковноучительной богослужебной письменности. Тогда же мною были начаты подготовительные работы для осуществления этого предприятия, которые продолжаются мною и до сих пор. Почти одновременно мысль о необходимости издания полного собрания русских авторов

⁴⁹ ЖЭС СПбДА за 1899–1900 уч. г. СПб., 1902. С. 78.

⁵⁰ ЖЭС СПбДА за 1903–1904 уч. г. СПб., 1904. С. 143.

возникла и среди Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, которое воспользовалось моим предложением собрать сведения о списках, необходимых для предполагавшегося издания»⁵¹.

Конечно, слова о том, что поиск источников велся ради развития предмета гомиластики и истории проповедничества не должен вводить в заблуждение. Вся предшествующая и последующая деятельность свидетельствуют, что древнерусская письменность была интересна Николаю Константиновичу сама по себе, вне связи с тем предметом, который он вынужден был преподавать больше десяти лет.

Командировка профессору Никольскому была разрешена указом Св. Синода от 19 мая 1904 г.⁵² на один год — с 1 сентября 1904 г. по 1 сентября 1905 г. Как и во время первой командировки, Николаю Константиновичу было предложено читать и проверять студенческие проповеди и ученые диссертации, если последние будут ему поручены советом академии с составлением отчета после командировки⁵³.

Таким образом, в течение всего 1904–1905 учебного года лекции по гомиластике в столичной академии не читались. Не было лекций по данному предмету и в первом семестре 1905–1906 учебного года в связи с революционными событиями, которые затронули в том числе и духовную школу. Кроме того, в 1905 г. из академии ушел исполняющий должность доцента по кафедре Русской церковной истории А.В. Карташев. Поэтому осенью того же года Никольскому пришлось участвовать в событиях, связанных с успокоением студенческого выступления и в выборах нового преподавателя на кафедру по истории Русской Православной Церкви. История столичной академии в годы Первой русской революции, впрочем как и история кафедры русской церковной истории в СПбДА заслуживает отдельного внимания и изучения. Что касается выборов на вакантную кафедру истории Русской Церкви, то итог масштабных дискуссий и жарких споров был несколько неожиданным. Совет академии единогласно постановил перевести на кафедру Русской церковной истории с кафедры гомиластики и истории проповедничества Николая Константиновича Никольского.

Указом Св. Синода от 30 января 1906 г. это перемещение профессора Н.К. Никольского на кафедру Русской церковной истории было утверждено. При этом совет академии Никольскому определил завершить чтение лекций в

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² Там же. С. 155.

⁵³ Там же. С. 142–144.

1906/1907 учебном году по гомилетике на шестой неделе Великого поста, а также провести экзамен после Пасхи⁵⁴.

В 1909 г. Никольский вынужден был покинуть духовную академию. С этого времени он состоял профессором в Психоневрологическом институте и приват-доцентом в Санкт-Петербургском университете. Был избран от православных членом Академии наук членом Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1918–1924 гг. работал директором Историко-библиографического музея древней славяно-русской книжности. С 1920 по июль 1925 г. являлся директором Библиотеки академии наук. С марта 1928 г. — председатель возрожденной Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы. Скончался почтенный учёный в 1936 г.

Наследие Николая Константиновича Никольского в настоящее время интенсивно изучается, архивные материалы, связанные с его именем активно вводятся в научный оборот. Во многом это обусловлено тем, что он трудился как на церковном, так и на светском научно-исследовательском поприще, в частности, в Академии наук.

Профессор Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921)

К началу 1906–1907 учебного года после ухода Н.К. Никольского на кафедру Русской церковной истории кафедра гомилетики по-прежнему оставалась вакантной. На заседании совета 2 октября 1906 г. ректор академии епископ Сергей (Тихомиров) поставил вопрос о её замещении. Примечательно, что на том же академическом заседании был поставлен вопрос о замещении еще двух вакантных кафедр:

- 1) по пастырскому богословию и педагогике,
- 2) по теории словесности и истории иностранных литератур.

На кафедру гомилетики и истории проповедничества были предложены две кандидатуры: помощника инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии, бывшего профессорского стипендиата Анатолия Семеновича Судакова⁵⁵ и инспектора Орловской духовной семинарии доктора богословия Ива-

⁵⁴ ЖЭС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 207–209.

⁵⁵ А.Е. Судаков окончил СПбДА в 1902 г., защитив диссертацию по кафедре гомилетики. См.: *Никольский Н.К.* Отзыв о сочинении студента Анатолия Судакова на тему «Богослужбные чтения святоотеческих творений в древней Руси и их значение в истории русской духовной литературы» // ЖЭС СПбДА за 1901–1902 учебный год. СПб., 1902. С. 392–393.

на Евсеевича Евсеева⁵⁶. На кафедру пастырского богословия было предложено три кандидата, на кафедру словесности — два.

После доклада ректора о вакантных кафедрах и кандидатах профессор И.С. Пальмов выступил с особым заявлением. Отметив особые научные заслуги Евсеева, выпускника СПбДА 1893 г., хорошо известного членам академической корпорации по недавней докторской своей защите, Пальмов обратился ко всем присутствующим со следующим предложением: «Выдающаяся научная работоспособность автора не только дает мне право, но и налагает на меня, как члена совета, долг рекомендовать его особливому вниманию своих светских коллег. Не благоугодно ли совету теперь, когда имеются в академии три вакантных кафедры, какую-либо одну из них предложить И.Е. Евсееву, согласно его компетентному выбору и желанию? Не лишне при этом заметить, что предлагаемый мною на одну из вакантных академических кафедр кандидат, как вполне определившийся ученый, не случайно, конечно, может указать нам и свою склонность к той или другой академической кафедре. А лично я все-таки полагаю, что специальная область его научных занятий соприкасается с вакантною в настоящее время кафедрой гомилетики и истории проповедничества, где обзор древнеславянской церковной письменности занимает далеко не последнее место, а в этом отношении ученая компетенция И.Е. Евсеева не подлежит спору»⁵⁷. Пальмова поддержали профессор П.Н. Жукович, И.Г. Троицкий и протоиерей Александр Рождественский. Дело было перенесено для окончательного рассмотрения в самое ближайшее время после соответствующих письменных обращений к кандидатам.

Вопрос был снова рассмотрен на заседании совета, которое состоялось 23 октября того же 1906 г. К этому времени была получена от Евсеева телеграмма следующего содержания: «Я согласен баллотироваться с Судаковым»⁵⁸. Другими словами, как и предполагал профессор Пальмов, Евсеев из трех вакантных кафедр выбрал кафедру гомилетики. Что же касается другого кандидата Судакова, то он не был готов конкурировать с таким маститым оппонентом и обратился к ректору с письмом, в котором, в частности, отмечал: «Честь имею заявить, что я не нахожу себя достаточно подготовленным к занятию этой кафедры и в виду того не считаю удобным ставить свою кандидатуру на ряду с такими более достойными и уже известными в науке лицами, как И.Е. Евсеев.

⁵⁶ЖЭС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 8.

⁵⁷Там же. С. 9.

⁵⁸Там же. С. 35.

В том случае я мог бы поставить свою кандидатуру, если бы совет академии, не имея другого более подготовленного кандидата, дал мне возможность, в течение настоящего года подготовиться к чтению лекций»⁵⁹.

Такое заявление Судакова выглядит отчасти несколько необычным, если обратить внимание на его вторую часть. Если бы Евсеев, например, выбрал другую кафедру, например, словесности, то кандидатура Судакова оставалась бы единственной и тогда его могли бы избрать. Однако Анатолий Семенович просит еще год на подготовку. Это тем более странно, что, во-первых, кандидатскую диссертацию на тему «Богослужбные чтения святоотеческих творений в древней Руси и их значение в истории русской духовной литературы» Судаков писал именно по кафедре гомилетики под руководством профессора Н.К. Никольского. Работа, объем которой составил 438 страниц, была написана на очень высоком уровне. Это особо было отмечено в отзыве научного руководителя: «В виду неразработанности вопроса, разбросанности материала, обширности темы и сложности изысканий как в истории богослужения на Руси, так и в истории русской письменности — нельзя, конечно, было и надеяться, что тема сочинения г. Судакова будет исчерпана им вполне в течение годичного срока. Но то, что сделано им, представляет собою весьма прочное начало давно необходимой в нашей науке работы, так как выполнено последовательно и целесообразно, несмотря на кропотливые изыскания, которые предстояло автору сделать по пути к общим наблюдениям»⁶⁰. Итоговое суждение Никольского о диссертации было сведено к тому, что Судаков был достоин не только научной степени, но и особого внимания совета. Действительно, за свою диссертацию в следующем учебном году Судаков был удостоен студенческой премии действительного статского советника Иванова в размере 150 рублей⁶¹. Во-вторых, Судаков окончил академический курс первым по списку и был оставлен на целый год при академии в качестве профессорского стипендиата именно по кафедре гомилетики и истории проповедничества. После всего этого, казалось, более подходящую кандидатуру вряд ли можно было найти.

Отказ Судакова баллотироваться на кафедру сделал Евсеева единственным кандидатом для её замещения. Вместе с тем, на заседании академического совета Пальмов все-таки еще раз представил кандидатуру Евсеева. Кандидатуру же Судакова представлял и по-прежнему отстаивал Н.К. Никольский. После

⁵⁹ Там же. С. 35.

⁶⁰ Никольский Н.К. Отзыв о сочинении студента Анатолия Судакова... С. 393.

⁶¹ Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч.1. С. 516.

прошедшего обсуждения через подачу записок закрытым голосованием состоялись выборы. На кафедру гомилетики Евсеев все-таки был избран, хотя и не без определенных сложностей. За его кандидатуру проголосовало 13 членов совета, против — 8⁶². Утверждение на кафедре в должности доцента состоялось 3 ноября 1906 г.

Евсеев к моменту занятия кафедры в академии, действительно, был уже хорошо известен в научном мире своими серьезными исследовательскими работами. Родился Иван Евсеевич 9 августа 1868 г. в селе Каменка Порховского уезда Псковской губернии в крестьянской семье. В Пскове окончил духовное училище и семинарию. Поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1893 г. 18-м по списку со степенью кандидата богословия за сочинение «Лукиановская рецензия LXX в славянском переводе». Какое-то время работал в академической библиотеке помощником библиотекаря. Через четыре года по окончании академии защитил магистерскую диссертацию на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. В двух частях. Часть первая. Славянский перевод книги пророка Исаии по рукописям XII–XIV вв. Часть вторая. Греческий оригинал славянского перевода книги пророка Исаии. (СПб., 1897)»⁶³. После этого в 1898 г. был назначен смотрителем Московского Заиконоспасского училища, в 1902 г. — инспектором Подольской, а в 1904 г. — Орловской духовных семинарий. В 1906 г. защитил докторскую диссертацию «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе»⁶⁴. Собственно, наличие именно докторской степени стало, судя по всему, одним из главных аргументов в деле избрания Евсеева на академическую кафедру.

Теперь, конечно, сложно сказать, какая кандидатура была бы лучшей собственно для развития такой академической дисциплины как гомилетика, по-

⁶²ЖЗС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 34–35.

⁶³См.: *Елеонский Ф.Г.* Отзыв о сочинении на степень магистра богословия Ивана Евсеева на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» // ЖЗС СПбДА за 1895–1896 учебный год. СПб., 1900. С. 249–253; *Ламанский В.И.* Отзыв о сочинении на степень магистра богословия Ивана Евсеева на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» // Там же. С. 253; Магистерский коллоквиум в нашей академии // ЦВ. 1897. № 13. Стлб. 408–412.

⁶⁴См.: *Абрамович Д.И.* Отзыв о сочинении инспектора Орловской духовной семинарии И.Е. Евсеева «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты (М., 1905. ХС+183. Цена 3 р. 50 к.)», представленном на соискание степени доктора богословия // ЖЗС СПбДА за 1905–1906 учебный год. СПб., 1906. С. 245–252; *Рождественский А.П.* Отзыв о сочинении инспектора Орловской духовной семинарии И.Е. Евсеева «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты», представленном на соискание степени доктора богословия // Там же. С. 253–262.

прежнему находившейся словно на задворках академического богословия. Кандидатура Судакова была привлекательна именно тем, что он кандидатскую диссертацию писал по гомилетике, а потом еще в течение целого стипендиатского года занимался также именно этой дисциплиной. Возможно, ему бы удалось внести какие-то изменения и улучшения в дело развития гомилетики. Однако, это только предположения, что же касается реальности, то кафедру гомилетики занял очередной, как показало будущее, «временщик».

Преподавательская деятельность Евсеева едва ли не сразу началась со студенческого конфликта. 2 апреля 1907 г. на заседании совета было рассмотрено дело об отказе студентов академии к назначенному сроку подать проповеди. До этого еще 2 ноября 1906 г. совет академии определил студентам первых трех курсов академии написать и представить проповеди к 12-му марта. К назначенному времени этого не случилось. Срок был перенесен на 19 марта, но и к этому числу проповеди представили только 19 человек, в то время как на одном только курсе обучалось в среднем 50–60 студентов. Совет вынужден был опять пойти навстречу студенческой корпорации и перенести дату сдачи на 30 марта. Правда, теперь было выдвинуто условие, что все, кто не сдаст проповедь к указанному числу, не будут допущены к экзаменам, которые должны были начаться 4 апреля. Однако и это определение совета, как ни странно, студенты проигнорировали. После очередного обсуждения данного вопроса на совете было принято решение, что «студентов, не написавших проповеди-эспромта в один из ближайших трех дней (3, 4 и 5 апреля), — считать уволенными из академии, о чем и довести до сведения Св. Синода». Решение академического совета было утверждено митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) уже 3 апреля⁶⁵. Предполагаем, что данное решение возымело действие, поскольку сведений о массовых исключениях за 1907 г. в журналах заседаний совета академии не имеется.

Вопрос о том, что же стало истинным мотивом такого бойкота со стороны студентов, пока остается открытым. Возможно, это было неким остаточным явлением того протестного движения, которое затронуло в том числе и столичную академию в 1905–1906 гг. С другой стороны, этот бойкот мог быть вызван протестом против назначения на кафедру именно Евсеева, в то время, как предыдущий профессор гомилетики Никольский настаивал на кандидатуре своего ученика Судакова. Таким образом, это могла быть своеобразная форма поддержки студентами своего наставника Никольского, который, как известно, был по-

⁶⁵Там же. С. 232–235.

средником в переговорах между студентами и академическим начальством в течение очень напряженного и беспокойного 1905–1906 учебного года⁶⁶.

Через полгода после вышеописанных событий на заседании совета 18 октября 1907 г. была заслушана докладная записка профессора И.Е. Евсеева о студенческих проповедях. В ней описывалась далеко не радужная ситуация, которая сложилась в проповедническом деле в академии. Евсеев утверждал, что написание студентами проповедей, по существующему в академии порядку, свелось к отбыванию некой школьной повинности. Студенты подавали свои проповеди вне всякой связи с церковно-богослужебной жизнью и современными потребностями академической кафедры. Такой порядок лишал студентов возможности своевременно отзываться в живом церковном слове на те или иные возникающие потребности церковной жизни. Однако это была только часть проблемы, притом незначительная. Дело в том, что, по словам Евсеева, студенты фактически совсем не проповедают в академическом храме. Поэтому подача текста проповеди, без произнесения ее с церковного амвона в храме, вообще лишена всякого смысла и значения. Евсеев говорит о том, уровень написания проповедей упал настолько низко, что выпускники семинарий, при поступлении в академию проповеди пишут гораздо лучше и приличнее⁶⁷.

В связи с этим Евсеев предложил внести некоторые изменения в гомилетическую практику учащихся духовной академии.

Во-первых, Евсеев предлагал упразднить так называемые экспромты и обязать студентов всех четырех курсов писать проповеди для произнесения их в храмах.

Во-вторых, студенты IV и III курсов должны были произносить проповеди в академической церкви, студенты I и II курсов — в другом или других храмах, которые будут определены по соглашению ректора академии с епархиальным начальством.

⁶⁶Уже в 1909 г. после скандального увольнения на основании указа Св. Синода Н.К. Никольского из Санкт-Петербургской духовной академии корреспондент петербургской газеты «Речь» с сожалением отмечал: «Особенно поражает такое отношение Синода к Н.К. Никольскому, добродушному влиянию которого на студентов академия обязана тем, что в ней общестуденческие волнения 1906 г. прошли сравнительно легко и не вызвали продолжительного перерыва в занятиях» (Речь. 1909. 24 июня). Цит. по: *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 182.

⁶⁷ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 75.

В-третьих, необходимо было установить месячный срок для подготовки проповедей. Предполагалось, что все учащиеся будут разбиты на группы. Первая группа получает темы за 1 месяц до срока произнесения, вторая через неделю и т.д.

В-четвертых, за неделю до произнесения студенты должны были подавать проповеди на проверку тому лицу, которое будет определено советом академии. За два дня до произнесения, прочитанные и одобренные проповеди, должны были представляться ректору академии. К произнесению допускались проповеди, получившие наилучшее одобрение, т.е. наивысший балл⁶⁸.

Евсеев также убеждал членов совета, что с проверкой всех проповедей одному преподавателю гомилетики не справиться. Отдельно Иван Евсеевич коснулся роли оценок за проповеди в дипломе выпускника академии. Он предложил поднять значение балла по проповеди, в сравнении с существующим положением, хотя бы до степени оценки за устный ответ по другим предметам академического курса. Более того, неплохо было бы образовать для нее, «как особой категории практическо-богословского изучения, особую графу в таблицы академических предметов»⁶⁹.

Предполагая, что со стороны некоторых членов совета могут последовать возражения, например, со стороны бывшего профессора гомилетики Н.К. Никольского и его сторонников, Евсеев в заключение своей записки поставил совету своеобразный ультиматум: «В заключение не могу не высказать своего глубокого убеждения в том, что, если постановка писания студентами проповеди не получит изменения в направлении непосредственного сближения проповеди с церковной кафедрой, то совет академии поступит целесообразнее, если примет меры к окончательному упразднению писания в академии проповеди, как ненужной и обременительной формальности»⁷⁰.

В итоге доводы и аргументация Евсеева были приняты во внимание, и совет постановил принять докладную записку полностью. Чтение и оценку проповедей студентов I и II курсов было определено поручить ректору епископу Сергию (Тихомирову), а студентов III и IV курсов — самому профессору И.Е. Евсееву⁷¹.

⁶⁸ Там же. С. 76.

⁶⁹ Там же. С. 76.

⁷⁰ Там же. С. 77.

⁷¹ Там же. С. 77.

Справедливости ради надо отметить, что ситуация с проповедью студентов в академическом храме была непростой не только в начале XX в. Так, епископ Олонецкий Никанор (Надеждин) в 1912 г. при погребении своего академического товарища, исполняющего должность доцента СПбДА А.П. Высокоостровского, вспоминал, что в их бытность студенты за богослужением в академическом храме очень редко произносили проповедь: «За все четыре года едва ли и десяток можно припомнить студентов-проповедников с церковного амвона. Да, откровенно говоря, большинство не очень и любило как проповедовать с церковного амвона пред товарищами, так и слушать проповедь вообще, особенно не краткую»⁷². Учился будущий владыка в столичной академии в 1881–1885 гг.

Из годовых отчетов о состоянии СПбДА видно, что Евсеев в течение первых своих трех лет преподавания гомиластики обращал внимание исключительно на историю проповедничества. Так, в 1906–1907 учебном году профессор преподавал после своего октябрьского назначения и ноябрьского утверждения: реально только один семестр, в течение которого рассмотрел историю русского проповедничества в XVII и XVIII вв. Однако уже со следующего года лектор приступил к хронологическому изложению истории проповедничества. В первом семестре 1907–1908 учебного года учащимся был представлен общий очерк истории проповедничества с древних времен. Рассмотрена была также история проповеди в восточной и западной Церкви, разбору был подвергнут византийский период на востоке и латинский схоластический на западе. Кроме того Евсеев предложил вниманию учащихся историю возникновения и развития немецкой и французской национальной проповеди и их состояние на начало XX в.⁷³ Во втором семестре того же учебного года предметом рассмотрения была история новой западноевропейской проповеди. Особенно подробно лектор рассмотрел «проповедь примирительного направления у французских реформаторов (Берсье)»⁷⁴. В 1908–1909 учебном году Иван Евсеевич вновь обратился к отечественному гомиластическому наследию в XVII и XVIII вв. Объектом изучения стала южнорусская схоластическая проповедь, а также московская проповедь допетровского времени и синодального периода вплоть до середины XIX столетия⁷⁵.

⁷² *Никанор, еп. Олонецкий*. Памяти †А.П. Высокоостровского. Речь на могиле // ЦВ. 1912. № 37. Стлб. 1168

⁷³ Отчет о состоянии СПбДА за 1907 г. СПб., 1908. С. 20.

⁷⁴ Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб., 1909. С. 32.

⁷⁵ Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб., 1910. С. 24.

Такое чрезмерное внимание в лекциях Евсеева именно истории, а не теории гомилетики было далеко не случайным. В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии имеется студенческий литографированный курс лекций И.Е. Евсеева за 1908–1909 учебный год, который позволяет дать ответ на этот вопрос.

Приступая к третьему курсу своих чтений, Евсеев так и говорит, что не находит возможности посвятить их гомилетике как теории проповедничества. Далее профессор указывает на причину такой своей бескомпромиссной позиции: «Теории (проповедничества) гомилетики еще нет, как правомочной научной дисциплины. Наша школьная гомилетика — абстрактная схема, построенная на отвлеченных понятиях светского ораторства, не обнимает органически сущности и задач проповеди, не считается с источником и историческим проявлением проповеднического слова, — на научное оправдание она претендовать не может»⁷⁶. Лектор критически отзываясь о новейшем и лучшем на тот момент времени учебнике по гомилетике профессора Киевской духовной академии В.Ф. Певницкого «Церковное красноречие и его основные законы»⁷⁷. Согласно Евсееву, «почтенный киевский гомилет» дал полное обоснование, какое только возможно было дать школьной гомилетике. Однако уже в первом трактате-разделе, которым открывается академический курс, говорит о проповеди, как об одном из видов ораторства. Именно этот тезис вызывает больше всего нареканий у петербургского гомилета: «Ораторство стоит в корне всех суждений о церковном красноречии. Но простая справка с источником проповедного слова показывает, что сущность проповеди указана здесь не в том, в чем следует. В заповеди Иисуса Христа о проповедывании Евангелия и в Его личном примере нет и тени ораторства. Апостол Павел сущность своей проповеди составляет не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор 2:4). Ни проповедь Спасителя, ни ап. Павла о Христе распятом, ни речь архидиакона Стефана не подходит никаким образом под какую-нибудь категорию нашей школьной гомилетики. И эта гомилетика их старательно выключает из своего ведения»⁷⁸.

⁷⁶ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909. С. 1.

⁷⁷ *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.

⁷⁸ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам... в 1908–1909 гг. С. 1–2.

Следующий тезис столичного ученого сводится к тому, что для действительно научного изложения теории гомилетики необходимо тщательно изучить историю гомилетики за весь период её существования. Только основываясь на многообразном историко-гомилетическом багаже можно формулировать теоретические основы церковного проповедничества. Вполне очевидно, что у слушателя петербургского профессора может возникнуть вопрос о разработанности истории гомилетики. Однако нелицеприятный ответ на такое возможное вопрошание Иван Евсеевич дает в своих лекциях сразу же. За последние 60 лет, т.е. начиная с середины XIX в., в отечественной богословской литературе появились только два академических курса гомилетики — киевских профессоров Я.К. Амфитеатрова⁷⁹ и В.Ф. Певницкого⁸⁰. Не было ни одного порядочного, по мнению Евсея, курса истории проповедничества. «Историю первобытной проповеди» Н.И. Барсова и «Исторический очерк русского проповедничества» архимандрита Иакова (Домского)⁸¹ Евсеев считает «только подготовительными и притом далеко не совершенными работами для истории проповедничества»⁸².

После такого краткого, но емкого введения становится очевидным, что для И.Е. Евсея задачей настоящего момента в гомилетике должно было быть изложение истории проповеди, причем такое, «которое затрагивало бы внутренние психологические основы проповеднического творчества и обуславливающие их внешние факторы общественного и частного порядка. Общие теоретические выводы могут быть даны только после разработки основ нашего национального проповедничества»⁸³.

В другом сохранившемся курсе лекций Евсея по гомилетике за 1906–1907 учебный год профессор констатирует отрицательное отношение к гомилетике как к науке в богословско-академической среде: «Схоластический пережиток — гомилетика — не имеет, говорят, положительного реального содержания, кроме удовлетворения практической потребности — приучить проповедника к составлению проповедей по определенным формам, поэтому не имеет права на звание науки. Проповедь, говорят, дело простое; выполнение его должно быть предоставлено личному вдохновению и расположению проповедника, и всякие теории или указания лучших способов проповедничества совер-

⁷⁹ *Амфитеатров Я.К.* Чтения о церковной словесности, или Гомилетика. Киев, 1846. 2 ч.

⁸⁰ *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.

⁸¹ *Иаков (Домский), архим.* Исторический очерк русского проповедничества, СПб., 1878.

⁸² *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам... в 1908–1909 гг. С. 3.

⁸³ Там же. С. 3.

шенно излишни»⁸⁴. Сам Евсеев подтверждает, что такие нападки справедливы, но в применении к постановке, а не существу предмета.

Иван Евсеевич полагает, что вообще кафедра гомилетики должна быть переименована в кафедру церковной словесности: «Как в воспитании литературных светских деятелей имеет решающее значение не теория словесных произведений, а помимо общей обстановки, изучение ими литературы с ее идейной стороны, так и для церковных проповедников самое важное — проникновение и сроднение их с глубиной и развитием церковных идей, а не теорию построения проповеди»⁸⁵. Евсеев подробно рассуждает о предмете такой дисциплины как церковная словесность. Отвечает на возможные возражения, суть которых можно свести к тому, что церковная словесность уже является предметом патристики. Соглашаясь с этим, Евсеев, тем не менее, выделяет отличия. Во-первых, патролог изучает все наследие святых отцов, а не только его проповеди. Во-вторых, по мнению Евсеева, святоотеческая эпоха ограничивается VIII–IX вв. в то время как видные проповедники известны своей деятельностью были и после этой самой отеческой эпохи. В качестве примеров приводит святителей Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. Общий вывод Евсеева сводится к тому, что необходимо образовать кафедру именно церковной словесности, «в которую входили бы и святые отцы с их капитальными для истории христианства творениями, и последующее церковно-литературное творчество с его многообразными судьбами»⁸⁶.

Таково в общих чертах понимание предмета и задач кафедры, которую занял Евсеев. В отношении своих предшественников Евсеев говорил, что профессор Н.И. Барсов, придерживаясь формального взгляда, смысл истории проповедничества полагал главным образом в истории генетического развития типов проповеди. У Н.К. Никольского была сильна тенденция заменить историю проповедничества историей древней русской письменности. Соглашаясь с направлением в целом, Евсеев, тем не менее, считал, что такой подход не исчерпывал всех задач и целей кафедры. В общем, осторожные и деликатные суждения по поводу своих предшественников по кафедре, критические суждения по поводу настоящего состояния самой дисциплины, все вместе это свидетельствовало о том, что Евсеев тяготился тем предметом, который ему достался. Нужен был

⁸⁴ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам LXV курса Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. 1.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 9.

повод, чтобы «сменить» кафедру, и такой повод, точнее, даже несколько поводов, нашлось.

В 1909 г. из академии был уволен (официально «согласно прошению») профессор кафедры русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы Д.И. Абрамович вместе с профессорами Н.К. Никольским и В.Н. Бенешевичем⁸⁷. После этого на заседании совета академии 11 сентября 1909 г. было принято определение чтение лекций вместо Абрамовича временно поручить И.Е. Евсееву⁸⁸.

В 1910 г. после принятия нового академического устава и появившейся возможности занять вакантные кафедры профессор И.Е. Евсеев заявил о своем желании перейти с кафедры гомиластики и истории проповедничества на кафедру русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы. Указом Св. Синода от 14 августа 1910 г. данное прошение и соответствующее перемещение было утверждено⁸⁹. После дополнений к уставу 1910 г., принятых в 1911 г., занятая Евсеевым кафедра была разделена на две отдельные: «Церковно-славянский и русский языки с палеографией» и «История русской литературы»⁹⁰. Иван Евсеевич изъявил желание остаться при первой кафедре⁹¹.

Под руководством Евсеева в течение того небольшого срока, когда он занимал кафедру гомиластики, несколько студентов написали и защитили кандидатские диссертации по истории церковного красноречия. Среди них Н. Грисюк («Св. Иоанн Златоуст как проповедник»)⁹², М. Вышегородский («Эпоха 60-х годов в русской церковной проповеди»)⁹³, Д. Покровский («Развитие русской

⁸⁷ См.: ЖЗС СПбДА за 1908–1909 учебный год. СПб., 1909. С. 367–379; ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 5.

⁸⁸ ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 45.

⁸⁹ ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 14.

⁹⁰ ЖЗС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 5.

⁹¹ Там же. С. 38–39.

⁹² *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Николая Грисюка на тему «Св. Иоанн Златоуст как проповедник» // ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 304–307.

⁹³ *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Михаила Вышегородского на тему «Эпоха 60-х годов в русской церковной проповеди» // ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 441–444.

публицистической проповеди в XIX в.»)⁹⁴ и М. Сватков («Русская проповедь XVIII столетия по рукописям петербургских рукописных собраний»)⁹⁵.

С 1910 г., как справедливо отмечает один из биографов Евсева, в жизни Ивана Евсеевича начался самый плодотворный период его научной деятельности, связанный, в первую очередь, с многолетним проектом по критическому изданию Славянской Библии⁹⁶. В 1911 г. Евсеев произнес актовую речь «Рукописное предание Славянской Библии»⁹⁷, в которой сформулировал основные проблемы, стоящие перед славянской библеистикой, показал значение критического издания Библии для церковной и светской науки, для решения библейско-канонических вопросов. Евсеев считал, что работу по критическому изданию славянской Библии должна была возглавить столичная академия. И действительно, именно под ее эгидой Библейская комиссия функционировала с января 1915 до 1918 г.⁹⁸

В 1918–1920 гг. Евсеев жил с семьей в родном ему селе Каменка, занимался сельским хозяйством. По окончании сезона полевых работ Иван Евсеевич неоднократно приезжал на короткое время в Петроград для научных занятий и постоянно выражал готовность принять участие в работе Библейской комиссии, если ему будут обеспечены хотя бы минимальные средства к существованию. В письме Н.Н. Глубоковскому в 1921 г. он описывал бедственное положение своего семейства: «С моим семейством (12 чел.) справиться в настоящее время очень трудно: ходим без обуви, двое из-за этого не могут учиться; трое учащихся вынуждаются по неделям прерывать свое учение... <...> Мои работы по Библейской комиссии идут очень медленно. <...> Больше, чем от недостатка источников по работе, страдаю от отсутствия соответствующей духовной среды. Как невыразимо тяжело от сознания, что нашей дорогой Академии нет, и что

⁹⁴ *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Дмитрия Покровского на тему «Развитие русской публицистической проповеди в XIX в.» // Там же. С. 596–598.

⁹⁵ *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Михаила Сваткова на тему «Русская проповедь XVIII столетия по рукописям петербургских рукописных собраний» // ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 507–512.

⁹⁶ См.: *Логачев К.* Профессор И.Е. Евсеев (1868–1921). К 50-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии 1971. № 12. С. 64–67.

⁹⁷ *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской Библии // ХЧ. 1911. № 4. С. 435–450; № 5–6. С. 644–660.

⁹⁸ *Кравецкий А. Г.* Евсеев Иван Евсеевич // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 280.

носители ее заветов блуждают в вавилонском рассеянии...»⁹⁹. Скончался Иван Евсеевич Евсеев летом 1921 г.

Иеромонах, впоследствии митрополит, Вениамин (Федченков) (1880–1961)

Обсуждение вопроса о замещении кафедры гомиластики после перехода профессора Евсеева состоялось на заседании совета академии 11 июня 1910 г. Необходимо отметить, что после принятия нового академического устава 1910 г. эта кафедра стала включать в себя ещё целых две дисциплины: пастырское богословие и аскетику. На вакантное место ректор академии епископ Феофан (Быстров) предложил кандидатуру бывшего профессорского стипендиата и, можно сказать, своего ученика иеромонаха Вениамина (Федченкова). Совет одобрил это избрание посредством закрытой баллотировки¹⁰⁰. Утверждение в качестве кандидата на кафедру последовало 23 июля.

Иеромонах Вениамин, в миру Иван Афанасьевич Федченков, родился 2 сентября 1880 г. в с. Вяжля (Ильинка) Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Несмотря на то, что родился в семье служащих, после окончания земской начальной школы и уездного училища, под влиянием матери, поступил в Тамбовское духовное училище, а позже — в Тамбовскую духовную семинарию. В 1903 г. Иван поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил, защитив диссертацию по кафедре библейской истории «Православное учение о Царстве Божиим (по творениям св. Макария Египетского)», в 1907 г.¹⁰¹ Научным руководителем у него был тогда еще инспектор академии архимандрит Феофан (Быстров).

По окончании академии решением совета Федченков был оставлен на год сверхштатным профессорским стипендиатом по кафедре именно библейской истории. Любопытно, что до этого времени в течение нескольких десятилетий в качестве профессорских стипендиатов традиционно оставляли только двух студентов, занимавших первые места в итоговом разрядном списке. Только начиная с 1906–1907 учебного года, на основании ходатайств сразу четырех архиереев, в ведении которых находились духовные академии, Св. Синод разрешил своим

⁹⁹Цит. по: Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: Издательство «Борей», 1994. С.297.

¹⁰⁰ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 411.

¹⁰¹Феофан (Быстров), архим. Отзыв о сочинении студента Ивана Федченкова на тему «Православное учение о Царстве Божиим (по творениям св. Макария Египетского)» // ЖЗС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 323–324.

указом от 23 августа 1907 г. советам духовных академий оставить сверхштатных профессорских стипендиатов по два человека при Санкт-Петербургской и Московской академиях и по одному при Киевской и Казанской. Причем суммы на их содержание, а это 700 рублей в год на каждого, были выделены из духовно-учебного капитала специальных средств Св. Синода. Помимо Ивана Федченкова в Санкт-Петербургской духовной академии вторым сверхштатным профессорским стипендиатом по кафедре истории философии был оставлен Василий Розов¹⁰².

26 ноября 1907 г. в академической церкви архимандритом Феофаном Федченков был пострижен в монашество с именем в честь сщмч. Вениамина Персидского. В декабре того же года Вениамин (Федченков) был рукоположен во иеродиакона, а через неделю — и в иеромонаха. С 18 ноября 1909 г. по 11 сентября 1910 г. отец Вениамин нес послушание секретаря Финляндского и Выборгского архиепископа Сергия (Страгородского), служил на Ярославском синодальном подворье в Санкт-Петербурге.

Назначение отца Вениамина в качестве кандидата на вакантную кафедру состоялось в самом конце учебного года, поэтому для будущего преподавателя было время и для подготовки к пробным лекциям на утверждение в должности, и к лекциям по самому предмету, точнее предметам. Ведь молодому преподавателю предстояло, по сути, читать лекции по трем разным научно-богословским дисциплинам: пастырскому богословию, аскетике и гомилетике. В это время, как и несколькими годами раньше, отец Вениамин посещает Оптину, Зосимову пустынь, подолгу живет в монастырях. Примечателен его разговор с настоятелем Зосимовой пустыни схиигуменом Германом (Гомзиным), состоявшийся летом 1910 г.: «Среди вопросов он задал и такой: «Что вы будете преподавать в Академии?». Я начал с более невинного предмета: «Гомилетику» (учение о проповедничестве).

— А еще? — точно следователь на допросе, спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие, — говорю. А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А еще? — точно провидел он и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику, — тихо проговорил я, опутивши глаза...

¹⁰² ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 6–7.

Аскетика... Науку о духовной жизни... Легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было...»¹⁰³.

4 и 11 сентября нового 1910–1911 учебного года иеромонах Вениамин прочитал пробные лекции. Первую тему будущий лектор избрал себе сам: «Св. Василий Великий, как пастырь — устроитель Церкви». Вторую, уже по назначению совета, пришлось готовить и читать на тему «Отношение проповедника к вопросам общественной и политической жизни». Налицо злободневность и актуальность второй темы, сформулированной академическим советом. К сожалению, не удалось обнаружить никаких данных о содержании этого, вне всякого сомнения, весьма интересного чтения. После состоявшегося обсуждения на заседании совета академии 11 сентября 1910 г. закрытой баллотировкой большинством (13 против 1) иеромонах Вениамин был избран на кафедру в качестве исполняющего должность доцента.¹⁰⁴ Утверждение указом Св. Синода последовало 30 сентября 1910 г.¹⁰⁵

Несмотря на возможность подготовиться за летние месяцы к чтению академических лекций, тем не менее, разработать сразу практически три авторских курса было очень и очень непросто, поэтому отец Вениамин в течение всего 1910–1911 учебного года лекции читал по нравственному богословию и аскетике. В своих лекциях молодой преподаватель сначала, естественно, рассказал о задачах пастырского богословия, методах этой науки, дал ей определение и т.д. В годовом отчете о состоянии Санкт-Петербургской духовной академии за 1910 г. отмечено, что в первых лекциях отец Вениамин дал характеристику религиозно-нравственного состояния народа и интеллигенции, а также представил свое видение состояния современного пастырства¹⁰⁶. Впрочем, в сохранившемся в библиотеке СПбДА литографированном курсе лекций отца Вениамина этих тем не имеется. Конспект начинается сразу с лекции о задачах пастырского богословия¹⁰⁷.

Предметом дальнейших лекторских занятий стало раскрытие частных сторон православно-пастырской психологии, таких, как индивидуализм в слу-

¹⁰³ Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М.: Отчий дом, 2004. С. 53–54.

¹⁰⁴ ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 49–51.

¹⁰⁵ Там же. С. 69–70.

¹⁰⁶ Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб., 1911. С. 32.

¹⁰⁷ Вениамин (Федченков), иером. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1910–1911 учебном году. СПб., 1911. С. 1–2.

жении, необходимость опытного усвоения духовной жизни, значение образования, как светского, так и духовного, исключительная важность изучения святоотеческих творений. В кратком обзоре по аскетике акцент был сделан на аскетизм пастыря — его молитвенность, любовь, смирение, крестный путь пастырства и т.д.¹⁰⁸

Чтение теоретических лекций исключительно по пастырскому богословию и аскетике вовсе не означало, что молодой преподаватель совершенно проигнорировал гомилетику. Тем не менее, этой дисциплине были посвящены только практические занятия.

Практические занятия по гомилетике осуществлялись еженедельно по вечерам с 7 до 9 часов вечера. Был разработан план занятий. На предлагаемые преподавателем темы несколько человек одновременно писали рефераты. Студенты заранее представляли тексты преподавателю. Лучший реферат, а иногда и сразу два зачитывались вслух. Авторы других рефератов, не прошедших «конкурс», являлись обязательными ассистентами при прочтении и обсуждении реферата-«победителя». Прочим слушателям предоставлялось право принимать участие в обсуждении темы. Сам же преподаватель выступал в роли модератора — направлял обсуждение и прения, а в конце каждой такой встречи формулировал итоговые выводы. Первая тема такого гомилетического семинара звучала следующим образом: «Что такое живое проповедническое слово». Причем на эту тему два реферата написал сам преподаватель. Для обсуждения, впрочем, были назначены и обязательные ассистенты из числа студентов. На последующих занятиях обсуждались такие темы как «Процесс религиозно-проповеднического творчества» и «Личность проповедника». На каждую из этих тем, довольно широких по объему и интересных по содержанию, вместо одного занятия уходило по 2-3 вечерних встречи.

Последующие рефераты посвящались таким теоретическим вопросам, как внешняя сторона проповеди, импровизация, метод оценки проповедей, особенно опубликованных. Последние занятия были посвящены свт. Иоанну Златоусту. Обращение к творчеству этого выдающегося отца Церкви, надо полагать, было далеко не случайным, и не только потому, что это — великий проповедник и экзегет. Дело в том, что именно профессора и студенты Санкт-Петербургской духовной академии занимались переводом творений свт. Иоанна. Как раз в период обучения Ивана Федченкова в столичной академии, в 1906 г., благополучно было завершено второе издание полного собрания сочинений свт. Иоанна Зла-

¹⁰⁸Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. С. 39–40.

тоустого в 12 томах, которое было начато еще в 1895 г. Осенью 1907 г. весь христианский мир торжественно отмечал 1500-летие со дня кончины свт. Иоанна Златоуста. Академия также приняла самое активное участие в праздничных мероприятиях. Накануне празднования через Петербургского митрополита все 12 томов сочинений святителя были преподнесены в дар императору Николаю II, который принял дар для своей библиотеки и через митрополита Антония «всемилостивейшее повелеть соизволил “Академию благодарить”»¹⁰⁹. Кроме того, в самой академии 12 и 13 ноября 1907 г., в день памяти великого святителя, были совершены богослужения, накануне — всенощное бдение, а самый день торжества — Божественная литургия. Во время литургии после запричастного стиха Иван Федченков прочитал беседу святителя Иоанна Златоуста на текст «Ищите прежде Царствия Божия». Другими словами, будущему преподавателю гомилетики довелось принять самое непосредственное участие в празднествах, посвященных Константинопольскому святителю Иоанну Златоусту¹¹⁰.

Помимо наследия свт. Иоанна Златоуста отец Вениамин планировал на практических занятиях по гомилетике рассмотреть творчество епископа Феофана Затворника, архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарёва), однако, судя по всему, этого ему сделать не удалось из-за нехватки времени.

Надо отдать должное преподавателю, поскольку занятия посещались студентами охотно и были всегда очень оживленными, поэтому и результаты стали, по свидетельству самого лектора, более прочными и сознательными, нежели чем при чтении теоретических лекций¹¹¹.

Для подготовки же к итоговому экзамену была выдана книга профессора В.Ф. Певницкого «Церковное красноречие», которое несколькими годами ранее раскритиковал профессор Евсеев. Любопытно, что лектором «студентам вменено было в обязанность отнестись к этому руководству сознательно-критически, при свете принципов, разработанных на практических занятиях»¹¹².

Естественно, что практическими занятиями по церковному красноречию деятельность иеромонаха Вениамина как преподавателя гомилетики, не ограничивалась. Лектор, по собственному признанию, читал еженедельно представляемые студентами проповеди (от 10 до 20). Лучшие из них представлял на утвер-

¹⁰⁹ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С.74, 93.

¹¹⁰Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // ЦВ. 1907. № 46. Стлб. 1482–1483.

¹¹¹Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. С. 40.

¹¹²Там же. С. 40.

ждение ректору академии. После такого двойного цензурно-проверочного контроля¹¹³ авторы лучших гомилетических опусов назначались для произнесения в ближайших приходских храмах. Кроме того, преподаватель гомилетики, согласно действующему академическому уставу, должен был сам регулярно приносить проповеди в академическом храме, что отец Вениамин ревностно и исполнял¹¹⁴.

Попутно можно заметить, что молодой преподаватель, еще не успев занять кафедру, пользовался большим уважением среди студентов. И уважением именно как научного руководителя. Дело в том, что в течение первого года под руководством отца Вениамина кандидатские выпускные квалификационные работы писали сразу 6 студентов. Это достаточно много, если учесть тот факт, что официальное вступление на должность состоялось уже в середине сентября. Студенты же четвертого выпускного курса свои темы должны были утверждать также в самом начале учебного года. Правда, все шесть работ относились непосредственно к пастырскому богословию и аскетике, работ же по гомилетике не было¹¹⁵.

Кто знает, может быть практические занятия иеромонаха Вениамина по гомилетике со временем стали бы общеобязательными, по крайней мере, в столичной академии. Однако преподавать отцу Вениамину в высшей богословской школе пришлось недолго. Он вынужден был разделить судьбу многих «учёных монахов» своего времени. Указом Св. Синода от 15 ноября 1911 г. иеромонах Вениамин был назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии¹¹⁶. Сложно сказать, успел ли отец Вениамин реально приступить к исполне-

¹¹³Как известно, в XIX – начале XX в. все проповеди священнослужителей подвергались цензуре со стороны епархиального начальства.

¹¹⁴*Вениамин (Федченков), иером.* О крестном пути пастырства: Слово, произнесенное в храме Санкт-Петербургской духовной академии за Литургией в день годовичного акта 17 февраля 1911 г. // ХЧ. 1911. № 4. С. 540–551.

¹¹⁵Под научным руководством иеромонаха Вениамина (Федченкова) кандидатские диссертации писали следующие студенты: Мартин Вийк («Высокопреосвященный Платон, митрополит Киевский, в его пастырской деятельности»), Гришков Сосипатр («Св. Василий Великий (его аскетические воззрения)»), Красовский Николай («Пастырская деятельность Московского митрополита Платона II (Левшина)»), Любский Севериан («Св. Димитрий Ростовский, его воззрения на пастырское служение и пастырская его деятельность»), Светозаров Михаил («Приходская деятельность пастыря в связи с современным вопросом о реформе прихода»), Симонов Симон («Св. Ефрем Сирий (его аскетические воззрения)»). См.: ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 376–378, 390–392, 423–426, 436–439, 513–515, 531–533.

¹¹⁶ЖЗС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 108–109.

нию своих обязанностей, т.к. уже 21 ноября того же года, т.е. меньше чем через неделю, он был назначен ректором Таврической духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита 26 декабря. Еще через два года отец Вениамин стал ректором той же семинарии. Дальнейшая судьба отца Вениамина, рукоположенного в сан епископа в 1919 г., была весьма сложной и насыщенной и неоднократно становилась объектом научно-исследовательских работ¹¹⁷.

Коновалов Николай Александрович (1884–1942)

В декабре 1911 г. на заседании академического совета был поставлен вопрос о замещении вновь вакантной кафедры пастырского богословия с аскетикой и гомилетики. К концу календарного года нашелся только один кандидат на кафедру в лице священника Александра Рутковского¹¹⁸. В этой связи совет перенес выборы на кафедру на следующий учебный год, а временное в 1911–1912 учебном году чтение лекций было поручено инспектору профессору С.М. Зарину¹¹⁹. Решение было утверждено митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) 23 декабря 1911 г.¹²⁰

Вопрос о замещении кафедры был вновь рассмотрен на заседании совета академии в начале 1912–1913 учебного года. На этот раз на кафедру насчитывалось уже пять кандидатов:

– профессорский стипендиат СПбДА 1911–1912 учебного года Н.А. Коновалов;

¹¹⁷Светозарский А.К. Вениамин (Федченков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2007. С. 652–654.

¹¹⁸Священник Александр Рутковский окончил СПбДА в 1911 г. (10-м согласно разрядному списку из 58-ти выпускников), защитив кандидатскую диссертацию по кафедре литургики на тему «Следованная Псалтирь». См.: *Карабинов И.А.* Отзыв о сочинении студента Рутковского Александра на тему «Следованная псалтирь» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С.500–502; *Покровский Н.В.* Отзыв о сочинении студента Рутковского Александра на тему «Следованная псалтирь» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 502.

¹¹⁹Зарин Сергей Михайлович, профессор (3 октября 1875–20 сентября 1935) — окончил Тамбовскую семинарию (1895) и СПбДА (1899), к.б. С октября 1900 г. — учитель русского и церковно-славянского языков в 1-м штатном, а с 17 марта 1902 г. — во всех штатных классах Александро-Невского духовного училища. 4 апреля 1907 г. — магистр богословия («Аскетизм по православно-христианскому нравоучению: этико-богословское исследование»). СПб, 1907). С 17 октября 1909 г. — доцент, с 11 июня 1910 г. — экстраординарный профессор по кафедре пастырского богословия СПбДА. С 30 сентября 1910 г. перешел на первую кафедру Нового Завета СПбДА. С 22 ноября 1910 г. — инспектор, с 1 октября 1917 г. — проректор, с 10 июля 1918 г. — и.о. ректора Петроградской ДА. С 22 марта 1921 г. — профессор кафедры нравственного богословия с агиологией в Петроградском богословском институте. Уклонился в обновленчество.

¹²⁰ЖЭС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 120.

- настоятель Сергиевской церкви при Громовском приюте в Санкт-Петербурге священник Александр Рутковский;
- бывший законоучитель среднего сельскохозяйственного, среднего землемерно-агрономического и сельско-хозяйственно-ремесленного училищ в Горках Могилевской губернии, на момент выборов — священник в Санкт-Петербурге Иаков Ктитарев¹²¹;
- настоятель Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге священник Леонид Богоявленский¹²²;
- преподаватель Астраханской духовной семинарии магистр богословия Василий Сокольский.

Как видно, из пяти кандидатов четыре человека являлись кандидатами богословия и один — магистром. Согласно действующему академическому уставу 1910–1911 гг. (§ 71), ректор, прежде чем представлять список кандидатур на усмотрение совета академии, должен был собрать необходимые сведения о кандидатах. Далее список необходимо было представить на усмотрение епархиального архиерея, который, в свою очередь, мог вычеркнуть любую кандидатуру, которую сочтет нежелательной для академической профессуры. Ректор епископ Георгий (Ярошевский) в своем отзыве на имя митрополита весьма положительно отозвался о кандидатурах Н.А. Коновалова, священников Александра Рутковского и Иакова Ктитарева. Такое же мнение ректор высказал и на заседании совета. Там же он озвучил свою позицию и по поводу двух других кандидатов: «Не вполне подходящими кандидатами являются священник Леонид Богоявленский, как человек уже пожилой (более 40 лет), и священник Василий Сокольский, как человек неуравновешенный. Последний мне известен по Полтаве, где он состоял инспектором семинарии и откуда был административ-

¹²¹ Священник Иаков Ктитарев окончил СПбДА в 1904 г. (28-м согласно разрядному списку из 50-ти выпускников) и защитил кандидатскую диссертацию по кафедре русского и церковнославянского языка. См.: *Абрамович Д.И.* Отзыв о сочинении студента Якова Ктитарева на тему «Религиозно-философские течения в русской художественной литературе второй половине XIX-го века» // ЖЭС СПбДА за 1903–1904 учебный год. СПб., 1904. С. 194.

¹²² Священник Леонид Богоявленский окончил СПбДА в 1911 г., защитив кандидатскую диссертацию по кафедре истории и обличения западных исповеданий. См.: *Соколов И.П.* Отзыв о сочинении студента Леонида Богоявленского на тему «Попытки англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 359–363; *Лепорский П.И., прот.* Отзыв о сочинении студента Леонида Богоявленского на тему «Попытки англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 363–365.

но переведен на должность преподавателя Астраханской семинарии»¹²³. Особо лестным отзыв епископа Георгия был о священнике Иакове Ктитарева. Последний уже был известен своими печатными работами, более того, представил в академию свою рукопись «Вопросы религии и морали в русской художественной литературе XIX века» на соискание ученой степени магистра богословия. Кроме того, в деле о замещении вакантной кафедры имелся положительный отзыв архиепископа Курского Стефана (Архангельского) о священнике Ктитарева. Отец Иаков, согласно этому отзыву, был приглашен в Курск на законоучительные курсы, где «с чрезвычайным успехом и редкою занимательностью преподавал краткие курсы апологетики, гомиластики и догматического богословия; организовал кружок проповедников и сам произносил образцовые проповеди при архиерейском богослужении; даром слова владеет редким»¹²⁴.

Решением академического совета на основании доклада ректора и резолюции митрополита Антония (Вадковского) для чтения пробных лекций были избраны Коновалов, священники Рутковский и Ктитарев¹²⁵. 24 октября 1912 г. каждый из названных кандидатов прочитал лекцию на тему, избранную самостоятельно. Тема лекции Коновалова была следующей: «Значение “пастырской аскетике” в системе научного построения православного пастырского богословия»; Рутковского — «Значение молитвы для пастыря Церкви»; Ктитарева — «О пастырской попечительности». Как видно, первый и третий кандидаты для своих пробных лекций взяли темы по пастырскому богословию, второй — по аскетике. Возможно, именно поэтому общая лекция, которую по назначению совета все названные кандидаты прочитали 30 октября, была посвящена гомиластике: «Насколько допустимо привлечение научного элемента в церковную проповедь».

После окончания испытательных пробных лекций профессор С.М. Зарин представил на рассмотрение совета академии подробные отзывы о чтениях соискателей кафедры. Самый лестный отзыв достался Коновалову: «В своих лекциях (особенно же в первой) г. Коновалов проявил с весьма выгодной для себя стороны следующие особенности: обширное и основательное изучение литературы вопроса, довольно серьезное и вдумчивое знакомство с историей и современными опытами построения пасторологической дисциплины в инославной и православной разработке, умение уловить и извлечь из материала наиболее цен-

¹²³ЖЭС СПбДА за 1912–1913 учебный год. СПб., 1913. С. 77.

¹²⁴Там же. С. 78.

¹²⁵Там же. С. 78–79.

ное и прямо идущее к делу, без ненужных подробностей и деталей; продуманное, логически стройное, ясное и раздельное, убеждающее изложение; достаточная степень самостоятельности и критического чутья и — вместе — осторожности и научной скромности. <...> Способность г. Коновалова ориентироваться в сложном предмете тонкого и деликатного свойства, умение уловить в нем наиболее существенное, в связи с прекрасною настроенностью, даром живого изложения и недюжинным лекторским талантом — внушают добрую надежду, что научная разработка пастырского богословия в строго православном духе окажется, в случае утверждения этого кандидата Св. Синодом, в ведении вполне правоспособного ученого»¹²⁶.

В отношении остальных кандидатов было высказано много критических замечаний. Так, священник Александр Рутковский, в своей первой лекции, согласно мнению Зарина, с одной стороны продемонстрировал значительную начитанность в святоотеческой и богословской литературе, но не смог живо и увлекательно изложить материал. По мнению рецензента, Рутковский не показал в достаточной степени сосредоточенности и углубленности. Кроме того, «к удивлению, совершенно отсутствовал индивидуальный момент, личное проникновение, личный, хотя бы и небольшой пока еще, пастырский опыт, который мог бы согреть и оживить лекцию о молитве пастыря»¹²⁷. Вызвало нареkanie так же то обстоятельство, что лектор грешил чрезмерно большой цитацией. Общий вывод сводился к тому, что обе лекции Рутковского уступали лекциям Коновалова.

Примерно в таком же ключе высказывался Зарин и о лекциях священника Иакова Ктитарева. Первая лекция была признана неудовлетворительной, вторая получилась лучше, но так же страдала серьезными недостатками. Вторая тема даже понята лектором была неправильно, «откуда рассуждения о внешней стороне проповеди и общих научных законах построения словесных произведений, замечание о дикции, гигиене дыхания, голоса и т. д.»¹²⁸

Профессор В.С. Серебренников выступил с особым мнением, которое представляет особый интерес по нескольким причинам. Дело в том, что Серебренников был вторым рецензентом кандидатской диссертации Коновалова, которой в свое время был не очень доволен: «Сочинение обнаружило способность автора быстро ориентироваться в научных вопросах и легко облекать свои мысли в литературную форму. Но меня неприятно поразило, что автор старатель-

¹²⁶Там же. С. 119.

¹²⁷Там же. С. 120.

¹²⁸Там же. С. 121.

но излагал воззрения разных второстепенных мыслителей, которых можно было обойти молчанием»¹²⁹.

Впоследствии Коновалов, трудившись в качестве профессорского стипендиата под руководством именно Серебrenикова, представил ему помимо стипендиатского отчета еще «небольшой, написанный на основании собранных им для магистерской диссертации материалов, трактат на тему преподавание латинского языка в иезуитских школах»¹³⁰. Этот трактат успокоил научного руководителя, т.к. показал, что Коновалов свободно читает книги на латинском языке и вполне может успешно разрабатывать нужные вопросы по первоисточникам. Пробные же лекции Николая Александровича еще больше убедили профессора в способностях его ученика быстро осваивать литературу предмета, извлекать из нее необходимую информацию, приводить разрозненные сведения в стройную систему и излагать их в отчетливой и простой форме.

После прозвучавших сообщений члены совета академии приступили к открытому голосованию, когда за каждого кандидата голосовали отдельно. За священника Александра Рутковского было подано три голоса (ректора епископа Георгия, проф. С.М. Зарина и проф. И.А. Карабинова), за священника Иакова Ктитарева — два голоса (проф. И.Г. Троицкого и проф. В.С. Серебrenикова), за Н.А. Коновалова положительно высказались все члены совета¹³¹. Утверждение указом Св. Синода состоялось 22 ноября 1912 г.¹³²

Будущий единогласно избранный преподаватель кафедры гомилетики Санкт-Петербургской духовной академии родился 26 сентября 1884 г. в деревне Самылиха Вологодской губернии. Образование Николай Александрович получил поздно и не совсем обычным путем. Один отзывчивый человек, заметив необыкновенные способности мальчика, отдал его в духовную школу. После смерти своего попечителя Н.А. Коновалов остался без средств к существованию, жил случайными заработками (переписка, доставка пакетов в канцелярии, пение в церковном хоре), но продолжал учебу в семинарии¹³³.

В 1907–1911 гг. обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил, защитив кандидатскую диссертацию «Экспериментальная пе-

¹²⁹Там же.

¹³⁰Там же. С. 122.

¹³¹Там же. С. 117.

¹³²Там же. С. 124.

¹³³К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова // Агенство по делам архивов Пермского края. URL: <http://agarh.permkrai.ru/news/?id=173> (дата обращения: 12. 01. 2014).

дагогика пред судом христианства»¹³⁴. Его научным руководителем был известный профессор академии протоирей Сергей Соллертинский¹³⁵. Коновалов, заняв в разрядном списке первое место из общего числа 58 студентов, был оставлен при академии профессорским стипендиатом по кафедре педагогики и дидактики с методологией наук. Научным руководителем его был профессор В.С. Серебrenиков¹³⁶.

В библиотеке Санкт-Петербургской православной духовной академии в настоящее время имеется экземпляр литографированных лекций Н.А. Коновалова за 1912–1913 учебный год по гомилетике. Из их содержания, а также из годового отчета о состоянии академии видно, что Коновалов читал лекции студентам III и IV курсов. Уже в первой лекции, которая имеет довольно пространное название: «Предварительные замечания о некоторых особых побуждениях к изучению науки о проповедничестве и о важности последней в круге богословского образования», лектор вынужден был не просто определить цели, задачи, предмет и объект академической дисциплины, но и провести целую апологию своего предмета: «Вы знаете, с каким пренебрежением стали говорить и писать с некоторого времени о гомилетике. Решительно возражают против всякой возможности наименования ее наукой, а если и называют наукой, то наукой окончательно пустой и бесполезной. <...> Гомилетика стала настолько мало внушать к себе доверия и вызывать сочувствия в среде лиц, получивших специальное богословское образование, что уже одно название ее нередко вызывает ироническую улыбку. <...> Уважение к ней с некоторого времени упало настолько, что одно время думали даже исключить ее из состава наук, входящих в курс высшего духовно-учебного заведения, как отрасль знания, лишенную самостоятельного значения и интереса»¹³⁷.

Сам Коновалов, обозначив такое бедственное состояние своей дисциплины, естественно, обещает слушателям исправить ситуацию и поставить преподавание науки о церковном красноречии на должный научный уровень.

¹³⁴ Соллертинский С., *прот.* Отзыв о сочинении студента Коновалова Николая на тему «Экспериментальная педагогика пред судом христианства» // ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 412–417; Серебrenиков В.С. Отзыв о сочинении студента Коновалова Николая на тему «Экспериментальная педагогика пред судом христианства» // Там же. С. 417–418.

¹³⁵ Соллертинский Сергей Александрович, *протоирей* (29 мая 1846 г.–5 февраля 1920 г.) — ординарный профессор СПбДА, доктор богословия.

¹³⁶ ЖЗС СПбДА за 1912–1913 учебный год... С. 118.

¹³⁷ Коновалов Н.А. Из лекций по гомилетике, читанных студентам III и IV курсов Санкт-Петербургской духовной академии в 1912–1913 учебном году. СПб., 1913. С. 3, 4, 5.

В своих чтениях по гомилетике в 1913 г. Коновалов сначала раскрыл цели и задачи христианского проповедничества, дал оценку отрицательным суждениям о пользе отдельной науки о проповедничестве. Далее приступил к изложению данных о проповедничестве Христа Спасителя, св. апостолов и образцах святоотеческой проповеди IV в. На изложение материала по гомилетике ушла первая половина года. Вторая была посвящена пастырскому богословию и аскетике¹³⁸. Во второй половине 1914 г. в рамках гомилетики Коновалов выяснял «ближайшую причину несоответствия традиционного содержания гомилетики практическим требованиям, предъявляемым жизнью к проповеди, каковою должно признать отсутствие устойчивого решения вопроса о природе и ее продуктивной силе»¹³⁹. В первой половине 1915 г. Николай Александрович раскрыл основные положения теории гомилетики в применении к условиям современной проповеднической практики¹⁴⁰. Во второй половине 1916 г. Коновалов на теоретических лекциях раскрыл содержание следующих тем: «Высота и важность проповеднического служения», «Предмет и содержание проповеди», «Личность проповедника». Кроме того, Николай Александрович вел со студентами практические занятия, на которых учащиеся знакомились с первой христианской гомилетикой блаженного Августина «*De doctrina christiana*»¹⁴¹.

В годы преподавательской деятельности у Н.А. Коновалова сложились довольно хорошие отношения с профессором Н.Н. Глубоковским, который, после закрытия Петроградской духовной академии в 1918 г., тщательно следил за открытием новых университетов и «стремился помочь своим безработным коллегам и бывшим ученикам, рекомендуя их для занятия освобождавшихся или вновь создаваемых кафедр»¹⁴². Именно по рекомендации Глубоковского Коновалов еще осенью 1920 г. был избран на кафедру истории религии Нижегородского университета. В ответном письме на имя известного корифея русской богословской науки и своего земляка Николай Александрович, выражая сердечную благодарность за ходатайство и протекцию, писал: «Мы часто вспоми-

¹³⁸Отчет о состоянии Императорской СПбДА за 1913 г. СПб., 1914. С. 24–25.

¹³⁹Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1914 г. СПб., 1915. С. 31.

¹⁴⁰Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1915 г. СПб., 1916. С. 37.

¹⁴¹Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1916 г. СПб., 1917. С. 19.

¹⁴²Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. С. 679.

наем Академию, — всю академическую обстановку; при этих воспоминаниях я обычно с трудом удерживаюсь от слез. Мне почему-то кажется, что её уже не будет»¹⁴³. Коновалов в это время жил в Вологде.

Коновалов, еще обучаясь в академии, одновременно являлся вольнослушателем психоневрологического института. С 1912 по 1917 гг. преподавал психологию и педагогику на Высших женских курсах и в Петербургских женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии. В 1917–1918 гг. Коновалов преподавал в трудовых и вечерних школах Петрограда. В 1918 г. он был приглашен академиком А.Ф. Кони в «институт живого слова» для выступления с публичными лекциями в общественных и культурных учреждениях г. Петрограда. С 1919 по 1922 гг. Коновалов уже профессор педагогики и психологии Вологодского педагогического института, с 1921 г. — ректор института. В 1922 г. Н.А. Коновалов, будучи избранным на должность профессора Нижегородского и почти одновременно Пермского университетов, отдал предпочтение последнему. В 1923–1930 гг. состоял заведующим отделом социального воспитания, председателем педагогической предметной комиссии Пермского университета. В 1930–1931 гг. там же являлся деканом педагогического факультета. В 1931 г., в связи с выделением из Пермского государственного университета самостоятельного педагогического института, занял в нем должность профессора кафедры психологии. С 1935 по 1942 гг. являлся заведующим этой кафедрой.

Перу Николая Александровича принадлежит ряд научных работ по проблемам психологии, педагогики, истории педагогики, дошкольного воспитания детей. В течение ряда лет он был постоянным консультантом при детских домах Пермского горно. Кроме того, Коновалов с 1930 г. руководил аспирантурой по психологии. Профессор и его аспиранты занимались изучением индивидуальных особенностей личности ребенка. Николай Александрович являлся членом редакционной коллегии «Ученых записок Пермского государственного университета», входил в лекторское бюро института по повышению квалификации педагогов, подготовил ряд научных работ, докторскую диссертацию на тему «Характер и воля», но не успел защитить ее в связи со скорострительной кончиной 7 июля 1942 г.¹⁴⁴

¹⁴³Цит. по: *Богданова Т.А.* Н.Н. Глубоковский... С. 680.

¹⁴⁴См.: К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова. Там же; Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: http://www.archive.perm.ru/guide/0011/fr-__938_.htm (дата обращения: 12. 01. 2014).

В настоящее время некоторые материалы о жизни и деятельности Н.А. Коновалова хранятся в Государственном архиве Пермского края. В фонде № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института» имеются автобиографии, фотографии, удостоверения, справки, выписки, характеристики, памятные адреса, черновые рукописи на темы «Явление изменчивости под влиянием внешних воздействий (воспитание)», «Наследственность и конституции», «Половое развитие ребенка», «Общие основные закономерности и факторы развития ребенка» и др. Всего в описи насчитывается 31 единица хранения¹⁴⁵.

* * *

Даже при самом общем и поверхностном обзоре истории кафедры гомилетики первое, что обращает на себя внимание — это пренебрежительное отношение к данной дисциплине не только и не столько со стороны студентов и профессоров, но и со стороны церковного руководства. Последнее, если обратить внимание на издававшиеся во второй половине XIX — начале XX вв. академические уставы, всячески оттесняло гомилетику из основной группы богословских дисциплин, то соединяя, то разъединяя её с другими предметами. И это при том, что священническая проповедь всегда была и остается одной из главных составляющих пастырского приходского служения.

В Санкт-Петербургской духовной академии одним из основных разработчиков гомилетики как научной богословской дисциплины являлся профессор Н.И. Барсов. Он заложил в столичной высшей богословской школе, образно выражаясь, фундамент для развития данной дисциплины — своими учебными пособиями, многочисленными статьями, посвященными как отдельным церковным проповедникам святоотеческого периода и новейшего времени, так и конкретным теоретическим проблемам, связанных с церковным красноречием.

Кафедре нужен был достойный продолжатель, который смог бы развить достигнутые результаты и успехи. Однако этого, к сожалению, не произошло. Все последующие профессора данной дисциплины были скорее «временщиками», при том, что каждый из них был профессионалом высокого уровня, если говорить о них, как об учёных. Н.К. Никольский достиг колоссальных успехов в области древней русской церковной истории, И.Е. Евсеев всю свою жизнь пла-

¹⁴⁵См.: Фонд № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института». Опись № 1 «Личные документы, главы из монографий, вырезки из журналов и газет, фотопортреты» // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: <http://www.archive.perm.ru/showopis.php?id=525508> (дата обращения: 12. 01. 2014).

нировал посвятить изучению и изданию славянского текста Библии, иеромонаха Вениамина (Федченкова) на этапе преподавания в духовной школе явно больше привлекала аскетика и пастырское богословие, профессиональные интересы Н.А. Коновалова концентрировались в области педагогики.

Однако, несмотря на то, что гомилетика как наука для вышеназванных профессоров находилась всегда на втором плане, каждый из них внёс свой сильный вклад в дело её развития.

Так, профессор Н.К. Никольский значительно обогатил источниковую базу, вводя в научный оборот все новые и новые произведения древнерусского церковного красноречия. Кроме того, особый интерес представляет и его аналитическая статья, посвященная особенностям древнерусской проповеди в Московской Руси «Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики»¹⁴⁶.

Профессор И.Е. Евсеев, предпочитая на своих занятиях историю гомилетики её теоретической части, обратил большое внимание на проповедническую деятельность студентов академии. Иван Евсеевич делал очень много для того, чтобы схоластическая, т.е. учебная проповедь вышла из стен аудиторий на церковный амвон не только академического храма, но и других городских церквей.

Иеромонах Вениамин, занимая кафедру чуть больше года, существенных шагов в деле развития академической дисциплины сделать не успел. Впрочем, учитывая свой недавний студенческий опыт и будучи человеком небезразличным к церковной проповеди, понимая её колоссальное значение в повседневной жизни прихода, отец Вениамин привлекал и увлекал учащихся своими практическими занятиями, которые сейчас бы назвали семинарами.

Блестящий знаток латинского и других уже новых языков Н.А. Коновалов также имел перспективы качественно улучшить теоретическую составляющую гомилетики как научно-богословской дисциплины. Однако в данном случае остается лишь пенять на революцию, последующее закрытие академии и прекращение развития всех вообще каких бы то ни было церковно-богословских наук.

¹⁴⁶ *Никольский Н.К.* Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики // ХЧ. 1901. № 2. См.: *Карпук Д.А.* Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С.159–176.

В данной статье совсем не была рассмотрена деятельность ректора академии епископа Антония (Вадковского), который некоторое время преподавал гомилетику в Казанской духовной академии и сделал очень много для ее развития и Санкт-Петербурге.

Кроме того, полноценный обзор истории развития кафедры церковного красноречия, т.е. гомилетики в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии будет однобоким, если подробно не изучить и не рассмотреть ещё две важные темы: историю возникновения и деятельности в столице кружка студентов-проповедников, действовавшего с конца 1880-х гг., и обстоятельства учреждения при академии кафедры Церковного живого слова и чтения. Каждая из этих тем вполне заслуживает отдельного исследования.

Источники и литература

1. *Амфитеатров Я.К.* Чтения о церковной словесности, или Гомилетика. Киев, 1846. В 2-х чч.
2. *Барсов Н.И.* Взгляд на жизнь и деятельность московского митрополита Филарета: (По случаю столетия дня его рождения). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. 10 с.
3. *Барсов Н.И.* Лекции по патристике. СПб.: Типо-лит. Яздовского, 1887. [2], 350 с.
4. *Барсов Н.И.* Материалы для биографии Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического: Вып. 1–2. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884–1888. 2 т.
5. *Барсов Н.И.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский, как проповедник: “Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные смоленской пастве”. Смоленск. 1871 г. СПб., 1872. 21 с.
6. *Барсов Н.И.* Раскольничья литература новейшего времени // Христианское чтение. 1894. № 5–6. С. 487–515.
7. *Барсов Н.И.* Св. Григорий Богослов, как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 46, [1] с.
8. *Барсов Н.И.* Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1876. № 11–12. С. 693–711.
9. *Берташ А., свящ., Карпук Д.А.* Катанский Александр Львович // Православная энциклопедия. Т. XXXI. Каракалла — Катехизация.

- М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 677–684.
10. *Бовкало А.А.* Барсов Н.И. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 357–358.
 11. *Богданова Т.А.* Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010.
 12. *Богородский Я.А.* Митрополит Антоний (Вадковский) в казанский период его жизни и деятельности // Православный собеседник. 1913. № 2.
 13. *Вениамин (Федченков), иером.* Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1910–1911 учебном году. СПб., 1911. Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. 292 с.
 14. *Вениамин (Федченков), иером.* О крестном пути пастырства: слово, произнесенное в храме Санкт-Петербургской духовной академии за Литургией в день годовичного акта 17 февраля 1911 г. // ХЧ. 1911. № 4. С. 540–551.
 15. *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди. М.: Отчий дом, 2004.
 16. *Ветелев А., свящ.* Гомилетика. Курс академических лекций по теории и практике церковно-православного проповедничества. М.: Загорск, 1949. 336 с.
 17. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909. 402 с.
 18. *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской Библии // ХЧ. 1911. № 4. С. 435–450; № 5–6.
 19. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам LXV курса Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907.
 20. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909.
 21. Журналы Совета С.-Петербургской духовной академии за 1889/90 учебный год. СПб.: Типография А. Катанского и К°, 1894. 367 с.

22. Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1895/96 учебный год. СПб., Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1900. 352 с.
23. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1896/97 учебный год. СПб.: Типо-литография А.П. Лопухина, 1897. 411 с.
24. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1898–1899 учебный год. (В извлечении). СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1905. 263 с.
25. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1899–1900 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 404 с., X с.
26. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1900–1901 учебный год. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1901. 383 с.
27. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901–1902 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1902. 432 с.
28. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1903–04 год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева. 1904. 233 с., VII с.
29. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1905–1906 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева, 1906. 334 с.
30. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1906–1907 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 330 с.
31. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1907–1908 учебный год. СПб.: Типография Меркушева, 1908. 347 с.
32. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1908–1909 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. 440 с.
33. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1909–1910 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. 720 с.
34. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1910–1911 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. 603 с.

35. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1912. 408 с.
36. Журналы заседаний Совета Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1912–1913 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
37. *Иаков (Домских), архим.* Исторический очерк русского проповедничества, СПб., 1878.
38. К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова // Агенство по делам архивов Пермского края. URL: <http://agarh.permkrai.ru/news/?id=173> (дата обращения: 12.01.2014).
39. *Карпук Д.А.* Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 159–176.
40. *Карпук Д.А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.
41. *Карпук Д.А.* Священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры митрополит Антоний (Вадковский) (1898–1912 гг.). К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (1713–2013) и 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) (1846–1912) // История Петербурга. 2013. № 1 (68). С. 74–84.
42. *Коновалов Н.А.* Из лекций по гомилетике, читанных студентам III и IV курсов Санкт-Петербургской духовной академии в 1912–1913 учебном году. СПб., 1913.
43. Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института // URL: http://www.archive.perm.ru/guide/0011/fr__938_.htm (дата обращения: 12. 01. 2014)
44. *Кравецкий А.Г.* Евсеев Иван Евсеевич // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 279–281.
45. *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010.

46. *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под. ред. И.П. Медведева. СПб., 2004.
47. *Логачев К.* Профессор И.Е. Евсеев (1868–1921). К 50-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии 1971. № 12. С. 64–67.
48. Магистерский коллоквиум в нашей академии // ЦВ. 1897. № 13. Стлб. 408–412.
49. *Никанор, еп. Олонецкий.* Памяти †А.П. Высокоостровского. Речь на могиле // ЦВ. 1912. № 37. Стлб. 1168–1169.
50. *Никольский Н.К.* Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики // ХЧ. 1901. № 2.
51. Отчет о состоянии СПбДА за 1899 г. // ХЧ. 1900. Ч.1. С. 485–520.
52. Отчет о состоянии СПбДА за 1901 г. // ХЧ. 1902. Ч.1. С. 351–386.
53. Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч.1. С. 489–525.
54. Отчет о состоянии СПбДА за 1903 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1904. 42 с.
55. Отчет о состоянии СПбДА за 1904 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1905. 43 с.
56. Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1909. 51 с.
57. Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1910. 44 с.
58. Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1911. 52 с.
59. Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1912. 58 с.
60. Отчет о состоянии СПбДА за 1912 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1913. 58 с.
61. Отчет о состоянии Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1913 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1914. 50с.
62. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1914 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1915. 63 с.
63. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1915 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1916. 62 с.
64. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1916 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1917. 37 с.

65. *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.
66. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873.
67. Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // ЦВ. 1907. № 46. Стлб. 1482–1483.
68. *Римский С.В.* Барсов Т.В. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358–360.
69. *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907.
70. *Светозарский А.К.* Вениамин (Федченков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2007. С. 652–654.
71. *Смолич И.К.* История Русской Православной Церкви. 1700–1917. Часть 1. М., 1996.
72. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: Издательство «Борей», 1994.
73. *Уберский И.* Проф. Н.И. Барсов (Некролог) // Церковный вестник. 1903. № 14. Стлб. 442–443.
74. Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 30 с.
75. Устав православных духовных академий. СПб.: Синодальная типография, 1912. 52 с.
76. Фонд № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института». Опись № 1 «Личные документы, главы из монографий, вырезки из журналов и газет, фото-портреты» // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: <http://www.archive.perm.ru/showopis.php?id=525508> (дата обращения: 12.01.2014).
77. *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
78. *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.